

М.М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ

1672—1697

Михаил Михайлович Богословский

Петр I. Материалы для биографии. Том 1. 1672–1697.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68485718

*Петр I. Материалы для биографии: в 3 т. Т. 1. Детство. Юность.
Азовские походы. Первое заграничное путешествие: Курляндия,
Бранденбург, Голландия. 1672—1697:
ISBN 978-5-227-09952-5*

Аннотация

Произведение академика М.М. Богословского (1867—1929) безоговорочно признано классическим сочинением историко-биографического жанра, остающимся самым полным исследованием личности Петра Великого и эпохи петровских преобразований.

Первый том посвящен периоду от рождения царевича Петра 30 мая 1672 года до событий 9 марта 1697 года (заговор Цыклера), а также его первому заграничному путешествию в Курляндию, Бранденбург и Голландию.

Издание проиллюстрировано портретами Петра I, выполненными с натуры, а также созданными впоследствии русскими и зарубежными художниками по оригиналам Петровского времени.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От издательства	7
Предисловие автора	10
Детство	13
I. Рождение Петра. Детская царевича	15
II. Выезды из Москвы в раннем детстве	29
III. Детские игры. Обучение грамоте	43
IV. Стрелецкое движение 1682 г	55
V. Петр в правление Софьи	73
Юность	99
VI. Столкновение Петра с Софьей	102
VII. Правительство в 1689–1699 гг	133
VIII. Петр в 1690 г	142
Конец ознакомительного фрагмента.	149

**Михаил Михайлович
Богословский**

Петр I

Том 1

Детство. Юность.

Азовские походы.

**Первое заграничное
путешествие: Курляндия,
Бранденбург, Голландия
1672–1697**

PETRUS ALEXEWITZ

Cæsar Magnus Dux Moscovie

© Художественное оформление, макет, «Центрполиграф», 2022

От издательства

Многотомное произведение академика М.М. Богословского «Петр I. Материалы для биографии» безоговорочно признано классическим сочинением историко-биографического жанра, остающимся самым полным исследованием личности Петра Великого и эпохи петровских преобразований. Работая над материалом, автор ставил своей целью «дать, насколько возможно, более подробное», едва ли не каждодневное описание жизни первого русского императора, воссоздавая одновременно «ту историческую обстановку», в которой разворачивались описываемые события. Повествование включает разнообразные сведения о быте и нравах современников Петра, выразительными штрихами характеризует государственно-политическое устройство России и зарубежных стран, по которым пролегал путь Великого посольства, знакомит с яркими историческими лицами того времени.

Выдающийся ученый, Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) был учеником В.О. Ключевского и историком очень широкого профиля, при жизни снискавшим глубокое уважение коллег; академиком он был избран в 1921 году. Основные работы исследователя посвящены России XVII–XVIII веков: это капитальные труды «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1729 гг.» (1906), «Зем-

ское самоуправление на Русском Севере в XVII веке» (1909–1912), книги, в том числе «Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века» (1906, 1918), опубликованные курсы лекций, статьи. Он долгие годы преподавал в Московском университете, Московской духовной академии, на Высших женских курсах, выступал в печати со статьями и очерками, был неперенным участником научных дискуссий.

Эрудит, владевший несколькими европейскими языками, вдумчивый исторический писатель, требовательный к стилю и системе доказательств, Богословский считал себя готовым приступить к главному делу своей жизни, фундаментальной монографии о Петре I только после изучения совокупности всех доступных ему источников и фактов. Достоверность текста, насыщенного любопытнейшими, зачастую впервые приведенными в печати подробностями повседневной жизни царского двора, выдержками из документов, фрагментами писем Петра и его сподвижников, высоко оценена мировой историографией.

Прочно войдя в научный и литературный обиход, труд М.М. Богословского значительно расширил наши знания о Петре Великом и истории России последней четверти XVII века.

Работа ученого над масштабным произведением продолжалась с 1916 по 1929 год и оборвалась из-за его смерти. Автор успел довести повествование до событий лета 1700 года.

При подготовке к изданию текст был снабжен справочными материалами и распределен по пяти томам, которые последовательно выходили из печати с 1940 по 1948 год.

Для удобства читателей материал в данном издании объединен в три тома.

Первый том охватывает период от рождения царевича Петра 30 мая 1672 года до первого заграничного путешествия молодого государя в марте 1697 г. и включает разделы: «Детство», «Юность», «Азовские походы», «Курляндия. Бранденбург. Голландия». Во втором томе освещаются события 1698–1699 гг., что определено заголовками разделов: «Англия. Саксония. Вена. Польша», «Стрелецкий розыск», «Воронежское кораблестроение», «Городская реформа 1699 г.», «Карловицкий конгресс». Третий том знакомит с деятельностью Петра в 1699–1700 гг., соответственно заголовки разделов: «Русско-датский союз», «Керченский поход», «Дипломатическая подготовка Северной войны», «Реформы и преобразовательные планы Петра 1699–1700 гг.», «Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовления Петра к Северной войне», «Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь в 1699–1700 гг.»

Предисловие автора

Целью настоящего труда было дать, насколько возможно, более подробное описание жизни и деятельности Петра Великого. Для этого я старался собрать все те известия, которые сохранились о нем в разного рода памятниках. Свой рассказ я располагал по возможности в простейшем хронологическом порядке. Я старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра день за днем, изображать ее так, как она протекала в действительности, наблюдать совершенные им действия, разгадывать одушевлявшие и волновавшие его чувства, представлять себе воспринятые им ежедневные впечатления и следить за возникавшими у него идеями. Есть особая прелесть в том, чтобы следить за жизнью исторического деятеля, переживать ее вместе с ним, как бы воскрешая его. Есть не меньшая прелесть в том, чтобы, наблюдая эту отдельную жизнь, изучать и восстанавливать ту историческую обстановку, т. е. те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала, с одной стороны, оказывая на них свое и в настоящем случае могущественное воздействие, с другой – в большей или меньшей мере испытывая на себе их влияние.

О Петре Великом написано, конечно, очень много. Два недостатка в этой огромной литературе всегда мне бросались в глаза: в области фактов – их не всегда критически твер-

до установленная достоверность, в области общих суждений – их не всегда достаточная обоснованность. Развиваясь под влиянием общих философских систем, наша историография иногда делала слишком поспешные и не опиравшиеся на факты обобщения, опережавшие разыскание и критику фактического материала. Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые, будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежным общим суждениям. Может быть, то, что мною собрано, не окажется излишним и будет когда-либо принято во внимание при составлении таких общих суждений.

Крупные и сложные исторические события могут быть разложены на простые и простейшие факты включительно до отдельных ежедневных действий, чувств и мыслей отдельных лиц, в них участвовавших. Чтобы отчетливо знать какой-либо механизм, необходимо разобрать его на составляющие его части и изучить каждую из этих частей. Чтобы точно знать историческое событие, следует его разложить на те простейшие факты, из которых оно составилось, и изучить эти факты отчетливо. Меня преимущественно и занимало разложение сложного факта на простейшие составные и отчетливое изображение последних. Мне казалось, что таким методом можно всего лучше достигнуть поставленной цели: дать критически проверенное изображение такого сложного исторического факта, каким была жизнь Петра Великого.

На своей дороге я встретил немало затруднений, главней-

шим из которых было самое изложение фактов. Несравненно легче строить широкие обобщения, чем изложить даже простой, но критически проверенный факт так, чтобы за достоверность изложения можно было вполне поручиться. Чем обобщение шире, тем построить его легче. Но нет ничего труднее, как передать простой исторический факт вполне точно, т. е. вполне так, как он происходил в действительности, на самом деле. Абсолютно точная передача исторических фактов для нас недостижима; вследствие недостатка источников, вследствие разноречий или противоречий в них изображение лиц и событий всегда страдает более или менее значительной аберрацией. Техника выделки зрительных стекол достигла значительного совершенства, при котором такая аберрация ничтожна. Техника исторического изображения такой степени не достигла и едва ли когда достигнет.

Невозможно предвидеть, когда этот мой труд по условиям типографского дела и по разным другим соображениям смог бы появиться в печатном виде, и появится ли вообще когда-нибудь. В том постоянстве, с которым я, однако, непрерывно вел эту работу за последние годы, меня поддерживал пример наших древних летописцев и книжных «списателей», не отступавших перед мыслью, что труд их останется на долгие и долгие годы в единственном рукописном экземпляре.

г. Воскресенск, 15 августа 1925 г.

Детство

Петр в детстве Миниатюра из рукописной книги XVII в.

I. Рождение Петра. Детская царевича

Петр Великий родился в Москве в Кремлевском дворце в ночь на четверг 30 мая 1672 г. О месте его рождения, не обозначенном точно в официальных известиях, существовали разные предания: указывали село Измайлово и село Коломенское. Но несомненно, местом рождения Петра был Кремль. Сохранилась записка о взносе вещей «в хоромы» царицы Натальи Кирилловны 28 мая 1672 г., следовательно, в этот день царица находилась в Кремлевском дворце; иначе, если бы она находилась в одной из подмосковных резиденций, в записке было бы сказано, что вещи взяты к царице «в поход»¹. Если царица жила в Кремле 28 мая, невозможно допустить, чтобы она предприняла «поход» в какое-либо из подмосковных сел на последних днях и, можно даже сказать, часах беременности. Что двор находился в момент рождения Петра в Кремле, видно также из той быстроты, с которой состоялось торжественное молебствие в Успенском соборе по случаю рождения царевича. Распоряжение об этом молебствии рассылалось «сверху», т. е. из Кремлевского дворца, из личной канцелярии государя – Приказа тайных дел. О времени, точнее, о часе, рождения Петра также есть разногласие. Сохранились две разрядные записки об этом событии, указывающие различно час рождения. В одной гово-

¹ Есипов. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II. С. 342.

рится, что царевич родился «за полтретья часа до дня», т. е. в 12 ч 48 мин ночи по нашему счету; другая повествует, что «в прошлом 180 (1672) году мая в 30 день, в отдачу ночных часов... даровал бог царевича» и т. д. «Отдача ночных часов» 30 мая приходилась на 3 ч 18 мин утра по нашему счету. Какому из этих свидетельств следует отдать преимущество? Думаем, что первому. В самом деле, из вступительных слов второй записки – «в прошлом году» – видно, что она не современна событию, а составлялась уже в следующем, 1673 г., когда из памяти составителя ее могли исчезнуть мелкие подробности происшествия; первая же записка производит впечатление более современной событию. Затем час рождения, указанный первой запиской, более вероятен и потому, что лучше согласуется с дальнейшим известием о торжественном молебне в Успенском соборе, на котором присутствовал весь двор, думные чины, московское дворянство и офицеры солдатских и стрелецких полков и московские гости. Молебен происходил во втором часу дня, по нашему счету в пятом, и, очевидно, необходим был некоторый промежуток времени, чтобы разослать повестку всем приглашенным на молебен и чтобы они собрались на него в парадном платье. Такой промежуток времени с первого часа пополуночи, когда, согласно с первой запиской, родился Петр, до пятого часа пополуночи, когда служился молебен, достаточен, тогда как промежуток времени с 3 ч 18 мин утра до пятого часа утра, если следовать второй записке, был бы

слишком мал для таких сборов. Итак, считаем, что Петр Великий родился в ночь на 30 мая 1672 г. в исходе первого часа пополудни. В пятом часу утра состоялся торжественный выход в Успенский собор к молебну, на котором присутствовали царевичи (сибирские и касимовские), бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие и дворяне московские в цветных охабнях, полковники солдатских полков, полковники, головы и полуголовы стрелецких полков, именитый человек Строганов и «гости» – виднейшие представители купечества. Молебен служил Питирим – митрополит Новгородский, с двумя митрополитами, тремя архиепископами и одним епископом. После молебна находившиеся в соборе духовенство, думные и служилые чины приносили государю поздравление. Отслушав молебен в Успенском соборе, Алексей Михайлович посетил Архангельский собор, монастыри Чудов и Вознесенский и через Благовещенский собор вернулся во дворец. Во время этого шествия в Столовой палате было объявлено пожалование отца царицы Кирилла Полуектовича Нарышкина и ее воспитателя Артамона Сергеевича Матвеева в окольничие, а когда государь проходил из Столовой палаты за переграду, за переградой было «сказано думное дворянство» дяде царицы Федору Полуектовичу Нарышкину. В то же утро после обедни собрались в Передней комнате и в сенях перед Передней думные люди и служилые чины. В Передней государь жаловал собравшихся водкой и фряжскими винами; заедали яблоками, дулями и

грушами в патоке. В сени перед Передней выходил угощать водкой голов и полуголов стрелецких и подполковников солдатских полков оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово.

Устроить обычный «родильный» стол на другой день после рождения Петра, в пятницу, 31 мая, было невозможно. для него требовались обширные приготовления, а между тем в субботу, 1 июня, нельзя было давать парадного пира накануне праздника в воскресенье же, 2-го, наступало уже заговенье перед Петровским постом. Поэтому в этот день при дворе ограничились малым обедом в царицыной Золотой палате, «без зову» и «без мест». У стола были бояре, окольничие, думные дворяне, ближние люди и дьяки. Перед Золотой палатой в проходных сенях «кормлены Благовещенского собора священники, которые служат у крестов», т. е. духовенство дворцовых домовых церквей. «Власти» и высшее духовенство не были приглашены по случаю наступавшего поста. Государь жаловал всех водкой, закусывали коврижками, яблоками, дулями, смоквой, цукатами в патоке и иными «овощами». Одним из блюд за обедом был требуемый обычаем при праздновании родин «взвар», который подавался в ковшах.

С новорожденного царевича была снята мерка, и на третий день по его рождении, 1 июня, иконописцу Симону Ушакову была заказана икона на кипарисной доске длиной в 11 и шириною в 3 вершка (в «меру» Петра); он начал писать образ Троицы и апостола Петра, но вследствие болезни ра-

бота его прервалась и была закончена другим иконописцем – Федором Козловым².

В субботу, 29 июня, в день тезоименитства новорожденного царевича, в третьем часу дня, т. е. по нашему счету в шестом часу утра, до обедни, в церкви Св. Алексея митрополита в Чудовом монастыре совершено было над младенцем таинство Крещения. Крестил царский духовник протопоп Благовещенского собора Андрей Савинов; восприемниками от купели были царевич Федор Алексеевич и сестра государя царевна Ирина Михайловна. К крещению выносила царевича назначенная к нему в «мамы» боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына. На другой день, в воскресенье 30 июня, после обедни у царя были митрополит Новгородский Питирим и высшее духовенство и игумены с образами и подношениями по случаю рождения и крещения царевича. С подношениями явились также царевичи грузинский, касимовские и сибирские, Боярская дума, ближние люди, именитый человек Г.Д. Строганов, гости, члены гостиной и суконной сотен, представители черных сотен и конюшенных слобод и посадские люди из городов. В тот же день в Грановитой палате состоялся у государя «родильный» стол. Приглашены были высшее духовенство, царевичи грузинский, касимовский и два сибирских, члены Боярской думы и думные дьяки, ближние люди, полковники, головы и полуголовы

² Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории. Т. I. С. 6; Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 1.

стрелецкие и представители торгово-промышленного мира; гости и члены гостиной и суконной сотен. Чины московского дворянства стольники, стряпчие и жильцы служили, как всегда при парадных обедах, за столом потчевали, кормили, чашничали, есть ставили и «в столы смотрели». «Родильный» стол, по обычаю, отличался обилием сахарных блюд. На стол были поданы коврижка сахарная большая, изображавшая герб государства Московского, другая коврижка сахарная же коричневая; голова большая (сахару), «рописана с цветом» весом в два пуда двадцать фунтов, орел сахарный большой литой белый, другой орел сахарный же большой красный с державами весом по полтора пуда каждый; лебедь сахарный литой весом два пуда, утя сахарное литое же весом двадцать фунтов, попугай сахарный литой весом девять фунтов, голубь сахарный литой весом восемь фунтов, город сахарный Кремль с людьми с конными и с пешими, башня большая с орлом, башня средняя с орлом, «город четверугольной с пушками» и т. д. и т. д. Все присутствовавшие за обедом были пожалованы еще сахарными блюдами, отнесенными к ним на дом. 4 июля состоялся в Грановитой же палате «стол крестильной». В те же дни, 30 июня и 4 июля, были столы на половине царицы Натальи Кирилловны в ее Золотой столовой палате для боярынь³.

Новорожденного царевича окружала та же царственная роскошь, в какой проходили младенческие годы всех царе-

³ Дворцовые разряды. Т. III. С. 889–894 и дополнения. С. 463 и сл.

вичей XVII в. К младенцу приставлен был целый штат. При нем мы видим кормилицу Ненилу Ерофееву, впоследствии (1684 г.) вышедшую вторым браком замуж за князя Львова. Петра долго – еще и двух с половиною лет – не отнимали от груди, и Ненилу Ерофееву должна была сменить новая кормилица, имя которой нам неизвестно. По смерти первой «мамы», княгини Голицыной, ее место заняла боярыня Матрена Романовна Леонтьева, а при ней в помощницах была Матрена Васильевна Блохина. При детской царевича состояли еще шесть женщин: казначея, заведовавшая бельем и платьем, и пять постельниц. Царевич со своим штатом помещался в особых пристроенных к дворцу деревянных хоромах. Одна комната в этих хоромах была у него обита серебряными кожами. В 1674 г. ему построены были «верхние новые хоромы»; в них в июле этого года полы, лавки и подоконники обиты были «сукном червчатым амбурским». Позже (в 1676 г.) в новых хоромах живописцу Ивану Салтанову поручено было расписать слюдяные окна: написать «в кругу орла, по углам травы по слюде; а написать так, чтоб из хором всквозе видно было, а с надворья в хоромы, чтоб невидно было»⁴. В 1673 г. младенцу устроена была новая колыбель: «бархат турской золотной, по червчетой земле репы велики золоты, да репейки серебряны не велики, в обводе морх зелен, подкладка тафта рудожелта, на обшивку ременья

⁴ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 205, 206. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории. Т. I. С. 10–11.

бархат червчет веницейский, к яблокам на обшивку объярь по серебряной земле травы золоты с шолки розными». В колыбель был сделан пуховик «наволока камка желта травная, нижняя наволока полотняная тверских полотен, пуху лебяжьего чистого белого пошло полпуда»⁵. В 1673 г. в детскую царевича были заказаны опахала из страусовых перьев разных цветов⁶. В так называемых «кроильных» книгах царской и царицыной Мастерских палат сохранились записи с описанием одежды и обуви, которые изготовлялись в этих палатах для царевича. 4 сентября 1672 г. царевичу скроены чулки на беличем меху: «в тафте желтой, испод подложен белей черевей». В декабре того же года ему изготовлялись кафтанчики: «кафтан объярь по червчетой земле, по нем струя и травы золото с серебром, в длину с запасом аршин, в плечах ширина поларшина, рукавам длина пол-девята ($8\frac{1}{4}$) вершка... в подоле два аршина 2 с четью, подпушка камка желта мелко-трава, шесть пуговиц, обшиты золотом волоченым, на петли ткан снурок золотной новой», и другой кафтан «объярь по алой земле, по ней струя и травы золотые», а также кроилась и верхняя одежда: два зипуна из белого атласу, один из них на собольих пупках, зипун из алого атласу на лисьих черевах. В июне 1672 г. царевичу кроился опашень «объярь по червчатой земле, по ней травы золоты с серебром», башмаки «бархат червчат, подряд и около стелек камка желта куф-

⁵ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 203.

⁶ Там же. С. 5.

терь», на шапку обнизную (жемчугом) – чехол в тафте алой. В феврале 1675 г. – «подвязки, шитые серебром по белому атласу» и т. д.⁷ В составленной в 1676 г. описи царевичева гардероба, хранившегося в «раковинном сундуке», упоминаются «ферезеи и чюги, и кафтаны ездовые, и однорядки суконные, и шубы и опошни обьеринные золотные и серебряные, и гладкие, и зуфные, и ферези, и зипуны золотные ж и серебряные, и отласные, и камчатые, и тафтяные, и шапки бархатные двоemorхие, и гладкие, и суконные с запаны, и с петли жемчужными»⁸.

По мере роста царевича детская его наполняется игрушками, описание которых нам также сохранили хозяйственные документы дворцовых приказов. В январе 1673 г. восьмимесячному царевичу были сделаны «два стульца деревянных потешных». В мае того же года внесена в хоромы к царевичу исполненная шестью костромскими иконописцами «потешная книга» (книга с картинками). Ко дню именин годовалого ребенка был сделан «конь деревянный потешный» на колесцах железных прорезных, обтянутый жеребьячьей кожей, с седлом, положенным на войлок, обитый серебряными гвоздиками, с прорезными железными позолоченными стременами и с уздечкой, украшенной изумрудами. К тому же дню были сделаны царевичу игрушечные два «барабанца», размерами один в четверть, другой в 3 вершка. В

⁷ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 199 и сл.; С. 12.

⁸ Там же. С. 209.

июле 1673 г. в детской появляется музыкальный инструмент – «цымбальцы маленькие» с золотным шнурком и кистями. А к 1 октября сторож Оружейной палаты изготовил для царевича деревянных лошадок и пушки из липового и кленового дерева против данных ему образцов. В начале следующего, 1674 г. у царевича в хоромаш упоминаются другие музыкальные инструменты: «клевикорт», на который пошло семь колодок струн медных, и цимбалы немецкого дела⁹. В апреле на Пасхе царевичу в хоромаш была устроена «качель» на веревках, обшитых червчатым бархатом¹⁰. В мае того же года в Оружейной палате золотили для царевича «на два ларчика бархатные по железу старые оправы, скобы и наугольники, и замки, и ключики, и подставочки»¹¹. К первой половине 1674 г. в детской царевича появляется «кораблик серебряной сканной с камении» ценою в 20 рублей. Кораблик был куплен у иноземца Андрея Миколаева и внесен к царевичу окольничим А.С. Матвеевым; «а росписки в том кораблике нет, – читаем в документе, о нем упоминающем, – потому что изволил государь царевич принять сам».

Нельзя ли к этой игрушке, изображающей корабль, отнести первый зародыш любви к кораблю, которая проявится впоследствии с такой силой?¹² В июне 1674 г. двухгодовало-

⁹ Там же. С. 3, 4, 9, № 35, 36, 66, 68, 69.

¹⁰ Забелин. Опыты... С. 13.

¹¹ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 10.

¹² Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), ар-

му Петру покупаются луки и стрелы: «9 лучков жильничков да к ним 8 гнезд северег», а в следующем месяце живописцу Ивану Безминову велено было расписать золотом, серебром и красками «5 знамен маленьких по разным тафтам, с обе стороны солнце и месяцы, и звезды». В том же июле 1674 г. московский стрелец Петрушка Щербак чинил выданную ему из хором царицы Натальи Кирилловны «каретку», в которой царевич катался по комнатам. В августе покрывались серебром «два лука маленькие», были изготовлены шесть барабанцев, опять упоминаются двое цымбал и какие-то еще музыкальные «страменты», к которым делалось впоследствии при починке их 204 иглы стальных. В декабре в хоромы царевичу расписывался золотом и красками «набат потешной» с привязанной к нему серебряной тесьмой, иконописец Федор Нянин писал золотом и серебром «барабанец», а книжному переплетчику иноземцу Савве Афанасьеву велено было «оболочь цымбальцы книжкою, сафьяном самым добрым алым и навесть печати золотом, а застежки сделать из галуны». К Рождеству царевичу делались опять «набаты». В январе 1675 г. иконописец Тимофей Рязанец писал царевичу «книгу потешную в четверть листа»; в феврале другой жи-

живный фонд: б. Архив Министерства иностранных дел, Приказные дела около 7185/1677 гг., № 197, л. 2. 10 июля 1674 г. было сделано распоряжение об уплате за кораблик денег. (Ввиду того что весь архивный материал, использованный в данной работе, хранится в ГАФКЭ, в дальнейших ссылках указание на ГАФКЭ опускается и обозначается лишь архивный фонд, из которого взят тот или иной документ.)

вописец расписывал красками для царевича «столик». В мае 1675 г. в хоромы Петра была сделана «баба деревянная потешная» с украшениями: с серебряной цепочкой и с серьгами. Следующие затем записи 1675 г. показывают, что трехлетнему Петру в июне делаются к двум лукам тетивы, расписываются золотом и красками «потехи»: «топорок с обушком, топор простой, чеканец, пяток ножигов, топор посольской и молоток, пяток шариков, а колокольцы положены в те шарики (бубенчики)», изготавлиются «запасные потехи статей (предметов) со сто»: булавы, буздуханы, ножики, шестоперы, чеканы, топоры посольские и простые, молотки, шарики. В ноябре и декабре золотятся «пушечка со станком и с колесцы потешная» и «четыре лучка недомерочка» и расписываются золотом, серебром и красками: 5 древок, 5 прапоров (знамен) тафтяных, 4 топора круглых, 3 топора с обушками, 2 топора простых, 2 буздухана, 2 булавы, 4 ножа, 2 пары пистолей и карабины¹³.

Такова была обстановка детской царевича Петра в первые три с половиной года его жизни. Его хоромы со стенами, обтянутыми ярким сукном и обитыми серебряной кожей, озаряемые лучом солнца, проникавшим сквозь расписные слюдяные окна, полны были красок и звуков. С тех мгновений, как пробуждающееся сознание ребенка стало воспринимать окружающие явления, перед ним открывался целый мир ярких, блестящих и звучащих предметов. Детская была пол-

¹³ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 10–16.

на оживления. Жужжали стрелы, спущенные с посеребренных луков, двигался занимавший, должно быть, среди забав главное место деревянный конь в богатом уборе с позолоченными стременами и уздечкой, сиявшей изумрудцами, развевались пестро расписанные знамена, разворачивались яркие картинки в потешных книгах, пускался в дело арсенал игрушечного оружия: топориков, шестоперов, обушков и пр., звенели струны цимбальцев и цимбал, должно быть бывших в большом употреблении, потому что часто отдавались в починку, стучали барабаны, раздавался звон маленьких потешных колоколов – набатов и бубенчиков. Вот тот волшебный мир игрушек, в котором безмятежно протекали первые годы беззаботного младенчества. Заметим, что к трехлетнему возрасту ясно начинают обнаруживаться наклонности и вкусы царевича: в бесконечном запасе игрушек делается отбор, преобладание начинают получать военные «потехи».

В детской маленький царевич, вероятно, не один; к царевичам для игр подбирали всегда сверстников, детей придворных, в особенности из царицыной родни. Что Петр с младенчества окружен был товарищами, свидетельствует уже и то количество, в котором заготавливаются в его детской игрушки: знамена, барабанцы, игрушечное оружие. Такие мальчики при царевичах жаловались званием комнатных стольников. Одним из участников детских игр Петра с младенческих лет был сын воспитателя царицы А.С. Матвеева, будущий видный сотрудник царя – Андрей Артамоно-

вич (р. 1666), пожалованный званием комнатного стольника на восьмом году от роду. Из этого же круга комнатных стольников при царевиче вышли также и другие сотрудники Петра: Автоном Михайлович Головин и знаменитый канцлер Гавриил Иванович Головкин. Необходимой принадлежностью детской царевича в XVII в. были комнатные «карлы». Таких карликов упоминается при двухлетнем царевиче трое, в 1679 г. – четверо, а в 1683 г. их уже перечислено 14 человек¹⁴. Следует признать чистым вымыслом рассказ Крекшина, будто еще при жизни царя Алексея из детей, окружавших царевича, составлен был потешный полк, носивший название Петрова полка. Недостоверен также и рассказ француза Невиля о том, что руководителем военных забав царевича был состоявший на московской службе иноземец Менезий, которого царь Алексей Михайлович, умирая, будто бы назначил воспитателем Петра. Все участие Менезия, бывавшего действительно при дворе, могло заключаться в том, что он видел игры Петра со сверстниками в солдатики и, может быть, дал при этом, как военный человек, какие-либо указания игравшим детям¹⁵.

¹⁴ Есипов. Сборник выписок... Т. I. Отд. I, № 42, 43, 63, 64, 65, 74, 107, 119, 157.

¹⁵ Шмурло. Критические заметки по истории Петра Великого (Журнал Министерства народного просвещения (далее – Ж. М. Н. П.), 1901, декабрь. С. 237–249; 1902, апрель. С. 421, 439); Чарыков. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. Гл. V.

II. Выезды из Москвы в раннем детстве

Где, кроме кремлевских хором, бывал Петр в ранние младенческие годы? Нельзя сказать с точностью, вывозили его или нет в какую-либо из подмосковных резиденций осенью 1672 и весной и летом 1673 г., так как за этот период времени утрачены и Дворцовые разряды, и записи царских выходов¹⁶. Первым записанным в уцелевших документах выездом его из Москвы было путешествие к Троице, куда царь Алексей Михайлович отправился «с государынею царицею и с царевичи и с царевны» 5 октября 1673 г. Обыкновенно царь осенью ездил к Троице в сентябре к 25-му на праздник Сергия. В 1673 г. задержало эту поездку разрешение царицы Натальи Кирилловны от бремени дочерью, царевной Натальей Алексеевной (р. 22 августа 1673).

Состоявший из множества карет царский поезд двигался медленно, подолгу останавливаясь на промежуточных станах, и прибыл в монастырь только 15 октября к вечеру. Проведя в монастыре 16-е, царь Алексей Михайлович отбыл отсюда 17 октября и возвращался с тою же медленностью, проводя по несколько дней на станах в селах Воздвиженском,

¹⁶ То, что помещено Строевым в «Выходах царей и великих князей» под 1672 и 1673 гг., относится к 1673 и 1674 гг.

Братовщине и Тайнинском¹⁷. 26 октября царь с семьею достиг, наконец, Преображенского, где и оставался до 14 ноября. 14 ноября 1673 г. он уехал в Коломенское, а «великая государыня царица и великие государи царевичи и государыни царевны из Преображенского изволили притти к Москве»¹⁸. До 14 мая 1674 г. Петр оставался в Москве. 14 мая «в четверток после столового кушанья великий государь со всем своим государским домом изволил итти в монастырь преподобного отца Саввы Сторожевского»¹⁹.

Путешествие совершалось опять так же неторопливо, как и предыдущая поездка к Троице. До 22 мая царь прожил на первом стану по дороге в Саввин монастырь – в селе Хорошеве, откуда 21 мая приезжал даже в Москву и побывал в монастырях Алексеевском, Зачатиевском и Новодевичьем; 22 мая двинулись из Хорошева на следующий стан, в село Павлово, и там оставались до 25 мая. Утром этого дня прибыли в монастырь. Царь был у обедни, а после столового кушанья в тринадцатом часу дня, в четвертом часу дня по нашему счету, посетил монастырскую больницу. Проведя у Саввы Звенигородского и праздник Вознесения 28 мая, царь двинулся в обратный путь 29 мая и 30-го прибыл в село Воробьево, где царское семейство и проводило время до 7 июля. Здесь

¹⁷ Дворцовые разряды. Т. III. С. 906–908; Выходы... С. 562 и сл.

¹⁸ Выходы... С. 562, 563; Дворцовые разряды. Т. III. 909.

¹⁹ Там же. С. 574; 14 мая в четверг приходилось в 1674 г., а не в 1673-м, как напечатано в «Выходах».

29 июня были отпразднованы именины двухлетнего царевича. Накануне государь слушал малую вечерню и всюнощную в селе Воробьево. В самый Петров день к литургии выезжал в Новодевичий монастырь и, вернувшись в Воробьево, принимал поздравления и давал обед на чистом воздухе: «именинными пирогами жаловал бояр, и окольных, и думных людей на Переднем крыльце. Стол был в бархатной палатке и в шатрах»²⁰. 7 июля Алексей Михайлович с семьей из Воробьева переселился в Москву. Царице Наталье Кирилловне опять приходило время родить, и, вероятно, поэтому она с 7 июля оставалась уже в Москве. 4 сентября 1674 г. царица разрешилась от бремени дочерью – царевной Феодорой и поэтому не могла сопровождать царя в обычной его поездке к Троице, предпринятой 23 сентября. 24 октября царь Алексей со старшим сыном царевичем Федором посетили кремлевские храмы и монастыри: Успенский и Архангельский соборы, Вознесенский и Чудов монастыри, находившиеся тогда в Кремле подворья Троицкого Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей и церковь Николая Гостунского. Следом за ними по тем же монастырям и церквам «ходила государыня царица, а с нею государи царевичи меньшие (т. е. Иван и Петр) да государыни царевны». Царицу в ее богомолье сопровождала большая свита, в которой были бояре, ближние люди, стольники, мамы, верховые боярыни, казначеи. На время этого обхода храмов Кремль запирался. Бо-

²⁰ Там же. С. 574–576.

гомолье было предпринято перед отъездом из Москвы. На другой день, 25 октября 1674 г., двор выехал в Преображенское. Царь ехал в карете с царевичем Федором Алексеевичем. За ним двигался в карете царевич Иван Алексеевич с дядькой князем П.И. Прозоровским. Затем в колымаге, запряженной двенадцатью лошадьми, ехала царица. «Да с нею же, государынею, сидели в колымаге: государь царевич и великий князь Петр Алексеевич, да меньшие государыни царевны (Наталья и Феодора), да мамы, да боярина Кирилова жена Полуехтовича Нарышкина Анна Леонтьевна, да стольника и ближнего человека Иванова жена Кирилловича Нарышкина – Прасковья Алексеевна». За каретой царицы ехали ее отец и воспитатель, бояре К.П. Нарышкин и А.С. Матвеев, и шли царицыны стольники да 40 человек дворян. За ними двигались еще две колымаги: в одной сидели «государыни царевны большие» – сестры царя Алексея Михайловича, в другой – «государыни царевны меньшие» – его дочери, те и другие с их верховыми боярынями. За колымагами царицы и царевен ехали в колымагах «верховые боярыни, и казначеи, и карлицы, и постельницы, а всех шло за государынею царицею и за государыни царевны 30 колымаг», причем подле каждой ехало по двое царицыных детей боярских. Весь этот громадный царский поезд конвоировался еще конными и пешими стрельцами²¹.

Пребывание в Преображенском в эту осень 1674 г. бы-

²¹ Дворцовые разряды, III, 960, 981, 1038, 1087–1092.

ло особенно веселым, по крайней мере, отличалось «потехами». Два раза давалась в Преображенском придворном театре комедия. В первый раз «тешили его, великого государя, иноземцы: «как Алаферна царица (так!) царю голову отсекла «и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артемона Сергеевича Матвеева». На этом спектакле был государь со свитой, причем за теми боярами и ближними людьми, которые не были за государем в походе в селе Преображенском, посланы были в Москву сокольники и стрелянные конюхи с указом быть к государю в Преображенское. На другом спектакле царь присутствовал с семьей. «Того ж году, – читаем мы в Дворцовых разрядах, – была у великого государя в селе Преображенском другая комедия, и с ним, великим государем, была государыня царица, государи царевичи (едва ли и Петр, которому было всего два с половиной года) и государыни царевны. И тешили великого государя немцы ж да люди боярина Артемона Сергеевича Матвеева: «как Артаксеркс велел повесить Амана по царицыну челобитью и по Мардахеину наученью»; и в органы играли, и на фиолях, и в страменты и танцевали. А за ним, великим государем, в комедии были бояре и околничие, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближние люди, и столники, и всяких чинов люди». Третье такого рода увеселение было на «филиппово заговенье» – 14 ноября. «Была у великого государя потеха на заговенье, а тешили его, великого государя, иноземцы немцы да люди боярина Артемона Сергеевича Мат-

веева на арганах, и на фиолях, и на страментах и танцовали и всякими потехами розными»²².

С наступлением рождественского поста театральные зрелища с участием иноземной труппы, с музыкой и танцами должны были прекратиться; развлечения царской семьи получили иной характер. «Декабря в 7 день ходил великий государь из села Преображенского с государынею царицею и с государи царевичи и государыни царевны в село Измайлово тешиться (охотиться) и всякого строенья смотреть; и кушенье раннее было у великого государя в селе Измайлове»²³. На другой день, 8 декабря, царь также со всей семьей: с царицей, царевичами и царевнами, – выезжал «тешиться» в соседнее с Преображенским село Алексеевское, где и было «раннее кушанье». 13 декабря Алексей Михайлович вновь отправился на охоту в село Соколово, но на этот раз уже один; царская семья в этот день возвратилась в Москву. Таким же внушительным поездом царевич Федор Алексеевич ехал «в избушке» (поставленной на сани), запряженной шестью лошадьми; с ним сидели его дядьки боярин князь Ф.Ф. Куракин и окольничий И.Б. Хитрово. За ним двигалась «в каптане», запряженной двенадцатью лошадьми, царица. Далее царевны большие и меньшие и, наконец, боярыни верховые, казначеи, карлицы и постельницы «каптан с пятьдесят»²⁴.

²² Там же, 1131–1132.

²³ Дворцовые разряды, III, 1128.

²⁴ Там же, 1130, 1134–1137.

Зима и весна 1674/75 г. были проведены царской семьей в кремлевских хоромах. 14 февраля 1675 г., в Прощеное воскресенье, перед началом Великого поста царица с обоими царевичами, Иваном и Петром, и с царевнами ходила на богомолье по кремлевским соборам и монастырям в первом часу дня, по нашему счету в восьмом часу утра²⁵. Такое же богомолье по кремлевским церквям царица предприняла в Фомино воскресенье, 11 апреля, одна; а затем в тот же день объехала вместе с царевичами и царевнами некоторые «загородные» монастыри: Новодевичий, Зачатиевский и Страстной. Царица сидела в колымаге вместе с царевичами Иваном и Петром и с меньшими царевнами (дочерьми) и со своим обычным ближайшим штатом: боярынями А.Л. Нарышкиной, П.А. Нарышкиной, М.В. Блохиной, с мамами и кормилицами. За колымагой ехали бояре К.П. Нарышкин, А.С. Матвеев, думный дворянин А.Н. Лопухин да царицыны стольники и назначенные сопровождать царицу дворяне московские. Перед царицей ехал в своей карете царевич Федор Алексеевич со своими дядьками князем Ф.Ф. Куракиным и И.Б. Хитрово. Посещая монастырь, царица жаловала игумений с сестрами к руке, причем ее поддерживали под руки справа боярыня А.Л. Нарышкина, а слева боярыня П.А. Нарышкина, и по указу государыни первая из боярынь спрашивала у игумений с сестрами о спасении, а приезжих, нахо-

²⁵ Там же, 1235–1236.

дившихся в монастыре разных чинов боярынь, о здоровье²⁶.

С апреля же 1675 г. начались приготовления к переезду царской семьи в село Воробьево: были посланы туда плотники из стрельцов разных приказов 300 человек, велено было им построить к приходу великого государя хоромы²⁷. 23 мая, в Троицын день, указано было думному дьяку Разряда Герасиму Дохтурову послать стрельцов по дворам к стряпчим и дворянам московским с повестками, чтобы они были на следующий день к походу; а из приказа Большого дворца были отправлены на Воробьевы горы «все государевы обиходы». В тот же день, 23 мая, «послана наперед в поход на Воробьеву гору с верху нарочно боярыня Матрена Васильевна Блохина (мама царевича Петра), да с нею 10 постельниц да 10 человек детей боярских государыни царицы; а велено ей досмотреть во всех хоромах государыни царицы, и государынь царевен, и государей царевичев, что все ли в хоромах сделано стройно, и самой ей, Матрене, велено дожидаться приходу великого государя»²⁸. Сам государь вместе с царицей перед отъездом из Москвы посетили кремлевские соборы и монастыри, причем во время этого богомолья перед царской четой по случаю Троицына дня стольники несли на ковре «лист и

²⁶ Дворцовые разряды, III, 1320 и 1354–1355. Пропуск в III т. Дворцовых разрядов в несколько листов на С. 1320 должен быть, по-видимому, заполнен записями, напечатанными на С. 1350: «великому государю» и т. д. – 1355.

²⁷ Там же, 1331–1332.

²⁸ Там же, 1403–1404.

веник». Отъезд состоялся в Духов день, 24 мая. Царь ехал в одной карете с царевичем Федором, царевич Иван Алексеевич – отдельно, царица – в одной колымаге с царевичем Петром, с меньшими царевнами и с теми боярынями, которые ее обыкновенно сопровождали²⁹.

Житье в Воробьеве длилось на этот раз с 24 мая по 19 июня. Здесь, вероятно, Матвеев 28 мая «ударил челом» царю Алексею Михайловичу и его детям подарками: царю подарил «карету черную немецкую» и 6 лошадей; царевичу Федору – «карету бархатную червчатую», 6 лошадей, немецкую Библию с иллюстрациями («в лицах») да музыкальные инструменты: «клевикорты да две охтавки»; царевичу Петру – «карету маленькую, а в ней 4 возника темнокарие, а на возниках шлеи бархатные, пряшки вызолочены, начелники, и гривы, и нахвостники шитые, а круг кареты рези вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены да вместо железа круг колес медь вызолочено, да круг кареты стекла хрустальные, а на стеклах писано цари и короли всех земель, в той карете убито бархатом жарким... а круг кареты бахромы золотные». Кроме этой маленькой каретки боярин подарил еще Петру рыжего иноходца «попона аксамитная, муштук неметцкой с яшмы, начелки, и нагровки, и нахвостник шиты» да немецкого снегиря (попугая?)³⁰. В Воробьево царевичу Петру отправлялись из Москвы игрушки. 4 июня были ему сделаны

²⁹ Там же, 1404–1409.

³⁰ Дворцовые разряды, III, 1419–1420.

тетивы к двум лукам. 11 июня были даны деньги сторожу Никитке на проезд в Воробьево: «отвозил он, сторож, ко-
ня деревянного государю царевичу и великому князю Петру
Алексеевичу»³¹. 8 июня, в «день ангела» царевича Федора,
царь Алексей Михайлович ездил с царевичем-именинником
к обедне в Новодевичий монастырь, а царица с двумя мень-
шими царевичами, Иваном и Петром, в сопровождении сви-
ты боярынь и постельниц в 20 колымагах выезжала к при-
ходской церкви к Троице (в Воробьево?). 19 июня двор пе-
реехал из Воробьева в Преображенское, где пробыл до 28
июня. На этот раз Алексей Михайлович ехал в одной каре-
те с царицей и с царевичами Федором и Петром. Царевич
Иван Алексеевич ехал отдельно. На другой день по приезде
в Преображенское царь, побывав у обедни в селе Покров-
ском, «после кушанья» ездил с семьей «тешиться» в Измай-
лово, причем сидел в карете с царевичами Федором и Пет-
ром, за ними двигались царица с меньшими царевнами, за-
тем в следующей карете сестры и дочери царя: царевна Ири-
на Михайловна с сестрами да царевна Евдокия Алексеевна
с сестрами. Царевич Иван и две меньшие дочери Алексея
Михайловича в поездке не участвовали. Из описания этих
поездок видно, что трехлетний Петр выезжает вместе с от-
цом, выходя уже, таким образом, хотя бы на это время, из
рук женского персонала – мам. 23 июня царица выезжала с
царевичами Федором и Петром к обедне в село Покровское.

³¹ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 14–15.

26 июня царь вновь ездил из Преображенского в Измайлово «тешиться»; на этот раз с царицей, с царевичем Федором и с большими царевнами. Петр не упомянут в описании этой поездки, но не упомянут и при перечислении членов царского семейства, остававшихся в Преображенском. Особенно этой увеселительной прогулки царя был обед на открытом воздухе: «...и кушанье было у великого государя в селе Измайлове, в роще»³². К именинам Петра царское семейство 28 июня опять вернулось в Воробьево, причем в этом переезде царевич Петр ехал впереди отца в отдельной карете с бабушкой боярыней А.Л. Нарышкиной, двумя тетками: А.К. Нарышкиной и П.А. Нарышкиной – и боярыней М.Р. Селивановой. За каретой его ехали бояре К.П. Нарышкин, А.С. Матвеев да стольники И.Ф. Нарышкин и И.И. Головин. Алексей Михайлович сидел с царицей и с детьми: царевичем Федором и царевной Феодорой. В день ангела царевича Петра, 29 июня, царь со старшим сыном был у обедни в Донском монастыре, где служил патриарх и «власти». Вернувшись от обедни, государь жаловал бояр и ближних людей пирогами, и затем был обед в шатрах. На обеде также присутствовал патриарх с высшим духовенством. Особенность празднования именин царевича в 1675 г. состояла, между прочим, и в том, что во время обеда царь «посылал от себя [со] столом (т. е. с блюдами) к государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу боярина и оружничего Б.М. Хитрово, –

³² Дворцовые разряды, III, 1446–1448, 1471–1472, 1483–1484.

заведовавшего Приказом Большого двorca, – а за ним несли купки и еству стольники великого государя по списку». Царевич-именинник благодарил боярина и угощал его: «...и государь царевич жаловал за то боярина и оружничего Богдана Матвеевича воткою и подачами с купки и с чарки». Царица жаловала в этот день пирогами свой штат: мам, верховых боярын, казначей, кормилиц и постельниц³³.

1 июля 1675 г. государь выезжал из Воробьева к Девичьему монастырю и тешился под Девичьим монастырем «в лугах и на водах с соколами и с кречетами и с ястребы». Царя сопровождали на охоту Наталья Кирилловна и царевичи Федор и Петр. В это последнее лето своей жизни Алексей Михайлович побывал во всех своих любимых подмосковных резиденциях. Из Воробьева 14 июля двор переехал в Коломенское; там проведено было время до 26 июля, когда царское семейство вернулось опять в Воробьево, где оставалось на этот раз немногим более месяца, до 29 августа. Здесь 26 августа праздновались именины царицы Натальи, а 29 августа – именины царевича Ивана Алексеевича. К обеду царь выходил в полотняную церковь, устроенную на Воробьево близ государева двора и освященную 21 июня 1675 г. В этот же день, 29-го, Алексей Михайлович с семьей переехал в Коломенское. Здесь 2 сентября представлялось ему и занимавшему место на особом троне по левую руку царя царевичу Федору Алексеевичу цесарское посольство, незадолго перед

³³ Там же, 1487–1489, 1494–1495, 1499–1500.

тем приехавшее в Москву.

Во время этой аудиенции и произошел случай, описанный секретарем посольства Лизеком: царица тайно смотрела на прием из соседней комнаты, а бывший с нею Петр вдруг распахнул дверь и дал случай иноземцам увидеть московскую государыню. На 11 сентября – день ангела младшей царевны Феодоры – царь с семьей вновь перебрался в Воробьево, слушал там литургию в полотняной церкви, а 12 сентября «со всем своим государским домом» переехал в Москву. Через неделю, 19 сентября, царское семейство выехало к Троице. Выезд этот через Спасские ворота, Красную площадь, по Никольской смотрели поставленные по разным местам иностранные посланники, а высказанные ими от этого зрелища впечатления были записаны сопровождавшими их московскими приставами. Датский резидент Монс Гей, стоявший у седельного ряда и удивлявшийся великолепию царского поезда, обратил особенное внимание на маленькую каретку царевича Петра, подаренную ему Матвеевым, и на окружавших ее карликов.

Польский резидент, смотря на эту же каретку, «что была зело пре-украшена и с дивными маленькими возники и, тому похваляя, выдивитися не мог»³⁴. Секретарь цесарского

³⁴ Дворцовые разряды, III, 1501–1502, 1536, 1557, 1618, 1630, 1476, 1631. По годин. Семнадцать первых лет. С. 11; Выходы... С. 604–605; Памятники дипломатических сношений, V, 232, 235; ср. официальную реляцию цесарских послов (там же, 276): «а после того из них меншого государя царевича коретка малая вся позлащена с маленькими 4 лошадки, а посторонь ее 4 человека карликов».

посольства Лизек, наблюдавший поезд у Казанского собора, пишет, что «вслед за поездом царя показался поезд царицы. Впереди ехал стольник с двумястами скороходами, за ними вели 12 рослых, белых как снег лошадей из-под царицыной кареты, обвязанных шелковыми сетками. Потом следовала маленькая, вся испещренная золотом карета младшего князя в четыре лошадки крошечной породы, по бокам шли четыре карлика и такой же сзади верхом на крохотном коньке»³⁵. От Троицы вернулись в Москву 3 октября³⁶. Поздняя осень и начало зимы с 9 ноября по 15 декабря были, по обыкновению, проведены Алексеем Михайловичем в Преображенском. И это было последнее житье его там.

³⁵ Погодин. Семнадцать первых лет. С. 11.

³⁶ Выходы... С. 608, 609, 611.

III. Детские игры. Обучение грамоте

Безмятежно, как тихий летний день, прошли три года и семь месяцев детства Петра со светлыми и радостными впечатлениями уютного кремлевского терема, а затем пышных выездов царя Алексея, его красивых и занимательных для детского внимания соколиных потех и загородного приволья на чистом воздухе в Воробьеве, Коломенском и Преображенском. Вдруг стряслась беда. В январе 1676 г. царь Алексей Михайлович внезапно занемог. 6 января он принимал участие в торжественном выходе на Иордань, 12-го праздновал именины сестры Татьяны Михайловны, 19-го была при дворе комедия³⁷ с музыкой; но царь почувствовал себя нездоровым, слег в постель и, прохворав 10 дней, 29 января скончался. 30 января состоялся вынос его тела в Архангельский собор и погребение. За гробом несли нового государя – болезненного Федора Алексеевича в креслах, за ним, по древнему обычаю, – в санях царицу-вдову Наталью Кирилловну. Младенца-царевича на похоронах не было.

При дворе должны были произойти перемены. Старшими детьми царя Алексея, их родственниками по матери и припешниками второй брак отца с Нарышкиной был встречен враждебно. Недружелюбное отношение к молодой мачехе, сдерживаемое при отце, теперь проявилось открыто. Цари-

³⁷ Погодин. Семнадцать первых лет. С. 14; Выходы... С. 613.

ца-вдова с ее малолетними детьми должна была занять во дворце второстепенное место. Через полгода над ней разразился новый удар. 4 июля 1676 г. ее воспитатель боярин А.С. Матвеев, «приятель» царя Алексея и его первый министр, ближайший советник царицы после смерти мужа, опора ее и Нарышкиных, был отправлен в ссылку, сначала в почетную в Верхотурье на воеводство, а затем и в заточение в Пустозерск. Выслан был из столицы старший из братьев царицы Натальи Кирилловны – Иван Кириллович. Распространенные ранее у прежних историков, сделавшиеся ходячими представления о том, что царица Наталья Кирилловна по смерти мужа принуждена была удалиться из Москвы и поселиться в Преображенском, совершенно неверны. Проф. Шмурло доказал, что царица Наталья продолжала оставаться в Кремлевском дворце. Она ведет теперь гораздо более неподвижный образ жизни, чем это было ранее. Весь печальный для нее 1676 г. был проведен безвыездно в Москве³⁸. Ребенок-царевич, разумеется, не сознавал происшедшего; в его детской продолжают те же, как раньше, беззаботные игры, и детская наполняется такими же игрушками. На «святой неделе» велено было живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками «гнездо голубей, гнездо ракушек, гнездо кинареек, гнездо щеглят, гнездо чижей, гнездо боранов, а у борашков сделать, чтоб была будто шерсть

³⁸ Шмурло. Критические заметки (Ж. М. Н. П. 1900, август. С. 229–230).

по них сушая»³⁹. 24 апреля того же года тот же живописец Иван Салтанов получил приказ расписать красками «сволчки» (волчки) для царевича. 15 мая мастеру стрельного дела Оружейной палаты Василью Емельянову велено было сделать царевичу «саадак стрел, по счету 17 стрел». В июне царевичу изготовлялись два лука недомерочков жильников. В том же месяце в Оружейной палате иконописцами Никифором Бовыкиным и Федором Матвеевым писалась по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой потешная книга, для чего было закуплено две дести бумаги писчей толстой, гладкой и доброй и выдано 10 золотников шафрану и 100 листов золота листового сусального. В июле живописцу Дорофею Ермолаеву было выдано 1 рубль 19 алтын 4 деньги за золото и краски, которыми он расписывал потешные игры: пару пищалей, пару пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка в хоромы к государю царевичу Петру Алексеевичу. В августе покрывалось бархатом черным и вишневым седло для царевича, вероятно, для его деревянного коня. 31 августа живописец Дорофей Ермолаев получил деньги за золото и краски: «тем золотом и красками прописывал барабанец маленькой»; в сентябре в хоромы царевича поступила потешная сабля: ножны покрыты гзом зеленым, оправа медная золоченая, пояс сабельный шелковый турецкого дела. В декабре царевичу де-

³⁹ Забелин. Опыты. Т. I. С. 14; Он же. Домашний быт русских царей. Ч. II. С. 204 (изд. 1915 г.).

лаются пять барабанцев, а также потешные деревянные пистолы, карабины, пищали винтованные с замками⁴⁰.

В 1677 г. в конце августа царица выезжала с детьми на несколько дней (29, 30, 31 августа) в Коломенское⁴¹, в конце сентября того же года была у Троицы. В этом «троицком объезде», как читаем в одной из записей царицыной Мастерской палаты, царевичу Петру была сделана фerezея, обшитая серебряным плетеным кружевом⁴². В 1678 г. опять в конце августа был выезд в Коломенское (22 августа)⁴³. Так же, вероятно, прошли и следующие, 1679–1681 гг.⁴⁴ К концу 1679 г. относится перемена в штате царевича: из-под женского надзора он переходит в руки мужского педагогического персонала. К нему приставлен дядька боярин Родион Матвеевич Стрешнев с помощниками, которыми были назначены думный дворянин Тихон Никитич Стрешнев и стольник Тимофей Борисович Юшков. 30 ноября 1679 г. боярин Р.М. Стрешнев приказывал делать в хоромы к царевичу деревянные потешные сабли, палаши, кончеры и топорки. 2 де-

⁴⁰ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 16–18; ср.: Забелин. Домашний быт русских царей. Ч. II. Приложение IV. С. 2.

⁴¹ Шмурло. Критические заметки (Ж. М. Н. П. 1900, август. С. 232).

⁴² Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 19.

⁴³ Там же. С. 221.

⁴⁴ Шмурло. Критические заметки (Ж. М. Н. П., 1900, август. С. 233–234): «Легенда о Преображенском как месте куда будто бы царица Наталья Кирилловна с сыном Петром была удалена при жизни своего пасынка, должна быть оставлена и лишена права претендовать на значение исторического факта».

кабря он принимает «разные потешки», купить которые было поручено истопнику Семену Золотому. 13 декабря он же принял в хоромы царевича лист александрийской бумаги, на котором Оружейной палаты живописный мастер Карп Иванов написал красками и золотом «двенадцать месяцев и беги небесные против того, как в Столовой в подволоках написано», т. е. как в Столовой было изображено на плафоне⁴⁵.

Неизвестно, когда царевич Петр начал обучаться грамоте. Крекшин в своем наполовину баснословном повествовании о делах Петра Великого приводит дату – 12 марта 1677 г., когда, следовательно, царевичу шел пятый год⁴⁶. Забелин считал возможным приурочить это событие еще к более раннему времени и высказывал предположение, что Петра начали обучать еще при жизни отца. На эту мысль навело Забелина найденное им в расходных книгах Тайного приказа известие, что подъячий этого приказа Григорий Гаврилов в октябре и ноябре 1675 г. писал в хоромы к государю азбуку и часослов. 26 ноября ему выдано в награду 10 рублей, а 27 ноября в соборе Николы Гостунского было отслужено молебствие для многолетнего здравия царевича Петра Алексеевича, как думал Забелин, перед началом учения, которое вообще было в обычае начинать со дня пророка Наума – 1 декабря⁴⁷. На-

⁴⁵ Есипов. Сборник выписок. Т. I. С. 20–21.

⁴⁶ Крекшин. Записки, изд. Сахаровым. С. 20.

⁴⁷ Забелин. Домашний быт русских царей. Ч. II. С. 222; ранее в «Опытах». Т. I. С. 33–34.

оборот, проф. Шмурло в «Критических заметках по истории Петра Великого» отодвигает начало учебных занятий царевича к концу 1679 г., когда Петру шел уже восьмой год от роду⁴⁸. Итак, указываются три даты: 12 марта 1677 г., 27 ноября или 1 декабря 1675 г. и конец 1679 г. Крекшин, конечно, писатель недостоверный; его рассказ полон небылиц и выдумок. Но как можно выдумывать и сочинять такую точную дату, которую он приводит? Именно ее определенность и точность сообщают ей характер вероятности. Забелин свои соображения высказывал нерешительно, как предположение. Но все же приведенные им известия требуют разъяснения: надо доказать, что эти известия не имеют отношения к началу занятий Петра – тогда и предположения Забелина потеряют силу. Против его даты, против начала обучения Петра в декабре 1675 г., говорит слишком ранний возраст царевича; припомним, что Петра от груди отняли только в возрасте двух с половиной лет, следовательно, если принять дату Забелина, – незадолго, всего за год до начала обучения! За дату, приводимую Шмурло, – конец 1679 г., говорят два соображения. Во-первых, в это время меняются лица, которым поручен надзор за царевичем: из рук мамы он переходит в руки воспитателей Р.М. Стрешнева с помощниками. Естественно поэтому ставить в связь с этой переменой надзора также и начало учебных занятий. Во-вторых, как раз с начала 1680 г. в хозяйственных дворцовых записях встреча-

⁴⁸ Шмурло. Критические заметки (Ж. М. Н. П. 1902, апрель. С. 421–439).

ем ряд известий, касающихся учебных занятий и показывающих, что эти занятия начались. Так, 4 марта 1680 г. оклеен червчатым атласом «учительный налой» царевича; 16 марта того же года оклеен червчатым бархатом букварь царевича; 24 марта иконописец Тимофей Рязанец писал и расцвечивал шафраном «потешные листы» в хоромы царевичу⁴⁹. Предположение Шмурло наиболее вероятно, но все же полной достоверностью не обладает. Остаются непоколебленными дата Крекшина и предположение Забелина.

Вопрос о времени начала учебных занятий Петра надо считать пока нерешенным и открытым до тех пор, пока не будет найден какой-либо новый документ, который позволит решить его с точностью.

Неизвестно также, кто начал обучать Петра грамоте. Тот же Крекшин дает очень живо написанный рассказ о начале занятий Петра, где первым учителем является «из приказных» Никита Моисеевич Зотов. Крекшин повествует, как царь Федор Алексеевич обратил внимание царицы Натальи Кирилловны, что царевичу Петру приспело время учиться, как по докладу боярина Ф.П. Соковнина был призван к этому делу Зотов, как он был представлен царю, проэкзаменован в его присутствии Симеоном Полоцким и найден пригодным к новой обязанности, как затем патриарх отслужил молебен, благословил отрока, вручил его учителю и тот посадил его за учение, разнообразя его показыванием «кун-

⁴⁹ Там же. С. 429.

штов», т. е. картин, и рассказами из русской истории, к которой мальчик почувствовал интерес и охоту⁵⁰. Но все ли в этом рассказе верно? Зотов ли начал обучать царевича грамоте?

Никита Моисеев сын Зотов в 1669 и 1670 гг. значится в списках подъячих Челобитного приказа, занимая среди подъячих этого приказа второе место с окладом поместным в 200 четей и денежным в 35 рублей⁵¹. В 1671–1673 гг. он в том же приказе занимает среди подъячих первое место с теми же окладами⁵². В мае 1674 г. он был произведен в дьяки того же приказа⁵³. Можно думать, что Зотов был на виду в правительственных сферах как опытный приказный делец. В 1675 г. царем Алексеем Михайловичем была учреждена следственная комиссия для расследования злоупотреблений бывшего на Дону воеводой думного дворянина И.С. Большого Хитрово. В состав этой комиссии вошли боярин И.Б. Милославский, думный дьяк Стрелецкого приказа Ларион Ива-

⁵⁰ Крекшин. Краткое описание и т. д. в «Записках русских людей», изд. Сахаровым.

⁵¹ Арх. Мин. юст. Разрядные книги Московского стола, кн. № 63, л. 72 и № 64, л. 75. Правильно называл Зотова подъячим Челобитного приказа Голиков; но неизвестно, почему Устрялов считал его подъячим приказа Большого прихода. Это неправильное название повторил вслед за Устряловым и Ключевский в своем курсе. (Т. IV. С. 3).

⁵² Там же. № 66, л. 77; № 70, л. 75.

⁵³ Там же. № 72, л. 81 об.; ср. Дополнения к Актам историческим (далее – Д. А. И.). Т. VIII. С. 339.

нов и дьяк Челобитного приказа Н.М. Зотов⁵⁴. В 1679 г. Н. М. Зотов значится уже дьяком Владимирского Судного приказа, находящегося под начальством князя В.В. Голицына⁵⁵. Может быть, знакомство по комиссии 1675 г. с думным дьяком Ларионом Ивановым, который при Федоре Алексеевиче стоял во главе Посольского приказа, а также знакомство по Владимирскому Судному приказу с князем В.В. Голицыным, в конце 1670-х г. одним из виднейших московских сановников, содействовало дальнейшим служебным успехам Зотова. В августе 1680 г. он получает серьезное и ответственное назначение из Посольского приказа по дипломатической части: он назначен был ехать в Крым в товарищах с посланником стольником и полковником В.М. Тяпкиным, отправлявшимся туда для заключения перемирия⁵⁶.

Если бы Зотов в это время, в 1680 г., был уже учителем царевича Петра, то, спрашивается, зачем понадобилось бы отрывать его от занятий с царевичем и назначать в посоль-

⁵⁴ Дворцовые разряды, III, 1185; ср. там же, 1098–1099, 1129–1130, 1355.

⁵⁵ Д. А. И. Т. IX. С. 105–106: «в судных: в Володимерском боярин князь В.В. Голицын, а с ним стольник Петр Петров сын Пушкин, дьяки (велено быть во дворце) Федор Злобин, Микита Зотов, Иван Ляпунов (на службе, а ныне велено быть Сироду Поплавскому)». Подлинник этого акта см.: Арх. Мин. юст. Записная книга Московского стола. № 19. В подлиннике отметка «велено быть во дворце» относится только к имени Федора Злобина, она поставлена только над этим именем, равно как отметка «на службе, а ныне велено быть Сироду Поплавскому» относится только к имени Ивана Ляпунова. У имени же Мики-ты Зотова никаких отметок в подлиннике нет.

⁵⁶ Там же. С. 155–156.

ство в Крым? Дело об этом посольстве сохранилось, и дьяк Зотов ни в одном из документов этого дела не называется учителем царевича, а это, несомненно, имело бы место, если бы он действительно в то время был учителем. В Крыму Зотов пробыл зиму 1680/81 г., участвовал в заключении Бахчисарайского перемирия и вернулся в Москву в июне 1681 г. Так как в Крыму было тогда моровое поветрие, то Тяпкин и Зотов по приезде в Москву подвергнуты были карантину. 22 июня 1681 г. к ним на дворы был послан подъячий Посольского приказа Силин с предписанием стольнику Тяпкину со двора, где он стоит, никуда не съезжать, а дьяку Зотову – отдать статейный список посольства и все дела и казну Тяпкину, а самому ехать в деревню, в Москве не жить, ни с кем не видаться, в городе никуда не разъезжать, платья и никаких товаров никому не давать. Зотов был очень обижен распоряжением о выезде в деревню и приписывал это распоряжение злобе на него управлявшего Посольским приказом думного дьяка Лариона Иванова, с которым у Зотова уже тогда была ссора и на которого он подавал челобитье государю. Между Зотовым и подъячим Силиным произошел такой разговор: «А дьяк Микита Зотов подьячему говорил и спрашивал, прислан ли де к нему с ним, подъячим, о том государев указ из Посольского приказу на письме, что ему ехать в деревню.

И дьяку Миките Зотову подьячий говорил, что де письменного государева указу к нему не прислано, а наказано говорить о том ему словесно. И дьяк Микита Зотов говорил:

опасенье де он имеет в том, что к нему письменного его государева указу не прислано, что ему с Москвы в деревню ехать. Как де он с Москвы поедет в деревню, чтоб ему того в побег не поставили, потому что челобитие де у него было великому государю на думного дьяка на Лариона Ивановича. А он де его с Москвы посылает в деревню; хотя де он с Москвы в деревню и поедет, только де добрые люди у него на Москве останутся и проведуют: по указу де великого государя его, Микиту, думный дьяк Ларион Иванович в деревню посылает, всем де людям свет, а ему тьма». Зотов указывал далее, что Ларион Иванов не боится заразы, пускал к себе на дом переводчиков и представлял их переводы государю, а его, Зотова, считает нужным держать взаперти и даже высылать в деревню. «И переводчиков Ларион Иванович в дома свои отпускает, и к нему в дом ходят, и письма они к нему всякие приносят и переводы переводят, и те их письма он, думный дьяк Ларион Иванович, доносит до великого государя, а он де, Микита, сидит взаперти, в пустом дворишке, а ныне де ево ж и в деревню посылает. А после того он, дьяк Микита Зотов, говорил: дела де у него, которые есть, отдаст он стольнику Василию Тяпкину, а сам ехать сбиратца будет и поедет с Москвы в коломенскую свою деревню»⁵⁷. В переписной книге 1678 г. за дьяком Никитой Моисеевым Зотовым значилось в Коломенском уезде в стану Большом Микулине поместье в сельце Донашеве, а в нем один двор кре-

⁵⁷ Арх. Мин. ин. дел, Крымские дела 1681 г., № 7.

стьянский, двор задворных людей и двор бобыльский⁵⁸.

Если бы Зотов был до поездки в Крым учителем Петра, едва ли его стали бы так бесцеремонно выпроваживать из Москвы, так как он мог бы прибегнуть к заступничеству царицы или людей, близких ученику. Вероятно, и в своих жалобах перед подьячим Силиным он сослался бы на свое прежнее положение учителя. Итак, посылка Зотова в посольство в Крым в августе 1680 г. и обращение с ним по приезде в Москву летом 1681 г. показывают, что до поездки он не был учителем царевича. К тому же ни в одном официальном документе он до поездки и по возвращении из посольства не именуется «учителем» Петра.

Только с 1683 г. в хозяйственных дворцовых записях мы встречаем его имя со званием учителя. С этой поры преподавание им Петру несомненно. С 1683 г. в тех же записях упоминается и другой, младший, судя по размерам выдаваемых ему сравнительно с Зотовым наград, – Афанасий Нестеров. Что Петр учился в 1680 г., это бесспорно. Но кто вел с ним тогда занятия – предстоит еще исследовать.

⁵⁸ Арх. Мин. юст. Писцовые книги, № 9275, л. 104 об. – 105.

IV. Стрелецкое движение 1682 г

27 апреля 1682 г. скончался царь Федор Алексеевич, не назначив себе наследника. Предстояло избрание нового царя, причем неминуемо должна была произойти борьба партий. При Федоре придворное общество раскалывалось на три партии. В первые годы его царствования политическое влияние принадлежало его родственникам по матери – Милославским. Во главе этой партии стоял старейший из Милославских – боярин Иван Михайлович; далее мы видим в ее составе бывшего казанского воеводу И.Б. Милославского, стольника Александра Милославского, двух братьев Толстых: Ивана и Петра Андреевичей. В тесном союзе с Милославскими действовал влиятельный боярин Б.М. Хитрово со своими родственниками. Душой партии была одна из дочерей царя Алексея, царевна Софья. В последние годы царствования Федора партия Милославских была, однако, несколько оттеснена выдвинувшимися царскими любимцами. Влияние получил возведенный в бояре Иван Максимович Языков, тонкий и ловкий придворный, «глубокий», по отзыву современника, «московских прежде площадных, потом и дворских обхождений проникатель», человек незнатного происхождения, появлявшийся сначала только «на площади», т. е. на площадке внутреннего крыльца, где толпилось по утрам придворное общество низшего ранга, а затем

проникнувший и во внутренние апартаменты дворца. Вместе с ним выдвинулись постельничий Алексей и чашник Семен Лихачевы. Значение Языкова и Лихачевых с их родичами особенно усилилось в последние месяцы жизни царя Федора, со времени его второго брака со свойственницей Языкова Марфой Матвеевной Апраксиной.

Наконец, третью партию, отстраненную, находившуюся в тени, составляли Нарышкины с царицей Натальей во главе. Сила этой партии заключалась в А.С. Матвееве, опытном государственном дельце, человеке, также выдвинувшемся своими трудами и заслугами. Но Матвеев был сослан вскоре же по воцарении Федора, и без него положение партии было печально. Нарышкины – отец царицы Кирилл Полуектович и ее многочисленные братья – были политически ничтожными людьми, а сколько-нибудь видные и выдающиеся из Нарышкиных были тоже сосланы. Впрочем, в последние месяцы жизни Федора, именно со времени его второй женитьбы, появились признаки наступления для Нарышкиных лучших дней. Царица Марфа Матвеевна Апраксина была крестницей Матвеева и хлопотала перед царем о возвращении крестного. Языковы и Лихачевы обнаруживают стремление сблизиться с Нарышкиными, и Матвеев был переведен из Пустозерска сначала на Мезень, а затем «до указа» в один из костромских пригородов – Лух. Таково было положение дворцовых партий, когда умер царь Федор.

Царь скончался в 4 часа пополудни, и три удара в большой

соборный колокол возвестили московскому населению об этом событии. В присутствии патриарха и высшего духовенства начался печальный обряд прощания с почившим царем. В числе прощавшихся упоминаются члены Боярской думы, придворные чины, столичное и городовое дворянство иноземного и московского чина: генералы, полковники, стольники, стряпчие, дворяне и дети боярские, наконец, высший чин торговых людей – гости. Поклонившись праху почившего, прощавшиеся целовали руки у обоих царевичей – Ивана и Петра. Затем патриарх, высшее духовенство и члены Боярской думы собрались в Передней палате дворца, и здесь происходило совещание, кому из обоих царевичей быть на царстве. Раздались голоса, что этот вопрос может быть решен только собранием всех чинов Московского государства, т. е. Земским собором. Эти чины и были тотчас «для того» призваны, по выражению официального объявления о кончине царя Федора и об избрании Петра на царство. Созвание собора не представляло затруднений, потому что чины, в него входившие, были здесь же, во дворце, и только что прощались с умершим царем. Служилые чины: стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, городовые дворяне и дети боярские, а также представители тяглого населения: гости, члены гостинной и суконной сотен и, вероятно, по обыкновению старосты черных сотен Москвы, – находились на крыльце, что перед Передней палатой, и на внутренней дворцовой площадке у церкви Спаса на Бору. Извест-

но, что служилые и тяглые московские столичные чины рассматривались как представители также и провинциального населения. Служилые московские чины – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы – представляли те уезды, где они владели поместьями и вотчинами, а высшие разряды московских посадских людей – гости, члены гостиной и суконной сотен, набравшиеся в Москву из провинциальных посадов, но продолжавшие нередко владеть в этих посадах имуществом и вообще не терявшие с родными посадами связей и отношений, служили представителями посадского населения всего государства, так что в лице столичного населения у правительства был всегда под рукой готовый Земский собор. Такой собор в экстренных случаях оно и собирало. Но кроме московских тяглых чинов на дворцовой площади 27 апреля 1682 г. могли присутствовать и выборные от посадов, находившиеся тогда в Москве для обсуждения податной реформы и распущенные только 6 мая 1682 г.⁵⁹ Когда патриарх с высшим духовенством и боярами вышел на крыльцо, что перед Передней, к собравшимся на этом крыльце и на площади у Спаса чинам, – Земский собор оказался налицо в полном своем составе. И в самом деле, присутствовали все общественные группы, обыкновенно входившие в состав земских соборов: Освященный собор с патриархом во главе, Боярская дума, представители служилого и тяглого классов. К этому собору патриарх и обратился с речью о кончи-

⁵⁹ Акты исторические (далее – А. И.). Т. V. № 83.

не царя Федора, которую закончил вопросом, кому из царевичей быть на царстве. В ответ слышались крики за Петра Алексеевича; были голоса и за Ивана Алексеевича. Один из таких голосов занесен в записки современника события А.А. Матвеева: «От противные стороны некто Максим Исеев сын Сумбулов, в ту же пору будучи в городе Кремле, при собрании общем с своими единомышленниками, гораздо из рядового дворянства, продерзливо кричал, «что по первенству надлежит быть на царстве государю царевичу Иоанну Алексеевичу всея России»⁶⁰. Но первые крики были сильнее или, по крайней мере, так казалось руководителям собора. Был провозглашен царем Петр, и патриарх, вернувшись во дворец, благословил его на царство.

Итак, на предварительном совещании Освященного собора с Боярской думой, а затем и в созванном вслед за этим совещанием Земском соборе не было полного единодушия. Когда патриарх предложил избрать на царство кого-либо из двух братьев, пишет по близким и свежим воспоминаниям участников события автор «Гистории о царе Петре Алексеевиче» князь Б.И. Куракин, то «стало быть несогласие, как в боярех, так и площадных: один одного, а другие другога. И по многом несогласии избрали царем царевича Петра Алексеевича»⁶¹.

Решение собора было результатом того взаимоотноше-

⁶⁰ Матвеев. Записки, изд. Сахаровым. С. 6.

⁶¹ Архив князя Куракина. Т. I. С. 43.

ния, в какое стали дворцовые партии к моменту выборов. На ожесточенность предвыборной борьбы партий указывает, например, тот факт, что приверженцы Петра – князья Борис и Иван Алексеевичи Голицыны и князья Долгорукие, отправляясь во дворец по случаю кончины царя Федора, надели под платье панцыри, опасаясь, что спор с Милославскими дойдет до ножей⁶². Всего естественнее был переход царского венца к старшему царевичу – Ивану. Но царевич Иван был хилый, болезненный мальчик с ограниченными умственными способностями. В случае его воцарения власть перешла бы к Милославским. Хорошо понимая это, партия Языковых и Лихачевых стала на сторону Нарышкиных. К союзу Языковых с Нарышкиными примкнул и патриарх Иоаким. Этот союз и решил дело в пользу Петра⁶³.

Итак, Петр был избран на царство. С его избранием обстоятельства должны были перемениться. Правительницей государства на время малолетства Петра по народному обычаю при отсутствии закона о регентстве становилась его мать царица Наталья. Теперь Милославские должны были, казалось, ожидать той участи, которую испытывали Нарышкины. Но ни Иван Михайлович Милославский, ни царевна Софья не были людьми, способными легко примириться с неудачей,

⁶² Матвеев. Записки, изд. Сахаровым. С. 4–5.

⁶³ Подробный разбор свидетельств об избрании Петра на царство см.: Шмурло. Критические заметки по истории Петра Великого (Ж. М. Н. П. 1902, июнь. С. 233–256).

и с необычайной энергией принялись поправлять дело. Первое столкновение между Софьей и царицей Натальей произошло на другой же день после царского избрания на похоронах царя Федора 28 апреля 1682 г. За гробом шли, как полагалось, обе вдовствующие царицы, Марфа Матвеевна и Наталья Кирилловна, и царь Петр в «смирном» (траурном) платье. Но, вопреки обычаю, запрещавшему царевнам показываться открыто среди публики, на похоронах Федора явилась, презирая общественное мнение, и царевна Софья. Наталья Кирилловна, раздраженная этим поступком падчерицы, поспешила проститься с телом царя Федора, вышла из Архангельского собора и увела сына, не дослушав литургии и отпевания и дав повод к разным толкам и пересудам, которыми воспользовались Милославские. Впоследствии, чтобы положить пересудам конец, царица принуждена была оправдываться, указывая, что малолетний царь не мог вынести долгой службы и голода. Царевна Софья после погребения на обратном пути из собора во дворец, обращаясь к народу, «вопила» и причитала, что враги брата Федора отравили, а Ивана отстранили от царства. «Умилосердитесь над нами, сиротами, – говорила она, – или отпустите в чужую землю к королям христианским». Этими жалобами царевна, очевидно, хотела указать, что считает происшедшие накануне царские выборы незаконными.

Тотчас же по избрании Петра Наталья Кирилловна вызвала в столицу А.С. Матвеева, на советы которого она рассчи-

тывала опереться, и своих родственников Нарышкиных. Но Матвеев прибыл в Москву только 12 мая вечером, а между тем неопытная царица-правительница действовала робко и нерешительно и допускала ошибки, которыми тотчас же пользовались в своих целях враги. Неблагоприятное впечатление произвели награды и пожалования, полученные родственниками царицы по поводу царского избрания. В особенности большие укоризны возбудило пожалование 22-летнего брата царицы Ивана Кирилловича, никакими заслугами не отличившегося, прямо в бояре и в оружейничие. Пользуясь недалекостью и промахами нарышкинского правительства, И.М. Милославский до приезда в Москву Матвеева, по образному выражению С.М. Соловьева, «кипятил заговор». По ночам к нему собирались выборные от стрелецких полков, а с «верху», от царевны Софьи, по стрелецким слободам также посылались агенты с деньгами и с обещаниями. Милославские пустили в ход находившуюся в Москве готовую для осуществления заговора силу, которую проглядели и не сумели взять в свои руки Нарышкины. Этой силой было московское стрелецкое войско – московский пехотный гарнизон, состоявший из 20 полков. Стрелецкое войско к концу царствования Федора находилось в возбужденном, нервном состоянии. Дисциплина в нем совсем расшаталась. В полках завелся после похода против Разина казацкий обычай: собираться на сходки, или «в круги», для обсуждения своих дел. Большое недовольство в войске вызы-

вали притеснения командиров, полковников, людей прежде всего чуждой стрельцам социальной среды. Стрельцы набирались из вольных людей, из свободных от тягла родственников посадских людей или из свободных элементов сельского населения. В полковники над стрельцами назначались обыкновенно дворяне, приносившие на службу привычки и приемы своей крепостной вотчины. Стрельцы жаловались, что полковники берут их в свои дворы в денщики, облагают их всякими поборами и работами в свою пользу и тем отвлекают их от промыслов. Полковники, очевидно, распоряжались в полках, как в своих имениях. Жалобы на злоупотребления полковников подавались стрельцами правительству еще в последние дни царя Федора. После его смерти жалобы эти раздались сильнее. 30 апреля 1682 г. во дворец явились уполномоченные от стрельцов с обвинениями против некоторых командиров и с требованием выдачи их войску на расправу. Царица Наталья и окружавшие ее лица были застигнуты этим требованием врасплох, растерялись и уступили стрельцам: 16 полковников⁶⁴ были арестованы, лишены полковничьего чина, приговорены к наказанию батогами и, кроме того, подвергнуты суровому правезу, какому обыкновенно подвергались недоимщики и не расплатившиеся должники, пока не уплатят взыскиваемых с них денег. Войско совершенно разнуздалось. Старый начальник всего войска, управлявший Стрелецким приказом, боярин князь

⁶⁴ Акты Археографической экспедиции (далее – А. Э.). Т. IV. № 254.

Ю.А. Долгорукий и товарищ его по управлению приказом сын его князь Михайло Долгорукий теряют всякую власть над стрельцами. Особый авторитет среди стрельцов приобретает и становится фактическим командиром войска князь И.А. Хованский, воевода, принимавший участие в войнах при царе Алексее Михайловиче, большой болтун и хвастун, «Тараруй» по народному прозвищу. Хованский до поры держал сторону Милославских, возмущался избранием Петра и разжигал и без того взбудораженных стрельцов, страшая их, что при новом царе, которого бог велит почему выбрали, будут они у бояр еще в большем ярме, чем прежде, будут у них работать самые тяжкие работы, а дети их будут уже совсем невольниками. Хованский пророчил, что новое правительство «поддаст» и все Московское государство в неволю какому-нибудь чужеземцу, а веру православную совсем искоренит. Раздражение клокотало в стрелецком войске. Достаточно было первого же повода, чтобы оно вылилось страшным потоком. Искусными мерами Милославских это раздражение было направлено против враждебной партии, которую решено было разгромить и терроризировать. По рукам стрельцов ходил список «изменников»-бояр, которых надо было истребить. Для начала мятежа был пущен слух, что Нарышкины извели царевича Ивана.

В полдень 15 мая раздались звуки набата, и в Кремль принесено было тревожное известие, что со всех сторон идут вооруженные стрельцы. Пока А.С. Матвеев, совершенно про-

глядевший волнение стрельцов, — что и неудивительно, так как он, пробыв в Москве всего два дня, не успел войти в курс событий, — докладывал царице, пока отдавали приказ запереть кремлевские ворота, стрельцы с барабанным боем ворвались в Кремль и с криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана, подошли к Красному крыльцу. Царица Наталья, узнав о причинах тревоги, вместе с патриархом и боярами вышла на крыльцо и вывела обоих братьев: и царевича Ивана, и царя Петра. Бушевавшая толпа стихла. Несколько стрельцов, подставив лестницу, влезли на крыльцо и спросили царевича Ивана, подлинно ли он царевич и кто из бояр его изводит. Убедившись в подлинности царевича, стрельцы поняли, что обмануты; слух оказался ложным. Но вожаки движения не дремали. Из толпы раздались крики, чтобы выдали изменников-бояр, обозначенных в списке. К стрельцам спустились несколько бояр, в том числе и Матвеев, и стали их унимать. Бестактная выходка князя Михаила Долгорукого испортила дело: некстати и слишком поздно вспомнив о том, что он — стрелецкий начальник, и не понимая происходившего, он стал резко кричать на стрельцов, чтобы убирались из Кремля по домам. Долгоруких, отца и сына, не любили и не уважали в войске, а тут Долгорукий, над которым глумились в полках, позволяет себе кричать. Толпа рассвирепела. Делом одной минуты было для стрельцов взобраться на крыльцо, схватить М. Долгорукого, сбросить его вниз на копыта товарищей, стоявших перед крыльцом, и

изрубить бердышами. Взяв на крыльцо, стрельцы схватывали обвиненных бояр, именами которых прожужжали им уши, и сбрасывали их на копья, других убивали на площади перед дворцом. Не довольствуясь убийствами, продолжали еще вакханалию, издеваясь над убитыми: волокли по земле трупы, крича: «Вот боярин Артамон Сергеевич, вот Долго-рукий, вот думный едет, дайте дорогу!» 15 мая погибли А.С. Матвеев, стольник Ф.П. Салтыков, которого убили по ошибке вместо брата царицы Ивана Кирилловича, другой ее брат, Афанасий Кириллович Нарышкин, далее воевода, командовавший войсками в Чигиринских походах, князь Г.Г. Ромодановский, боярин И.М. Языков, думный дьяк Ларион Иванов и др.

Убийствами 15 мая кровавая трагедия не кончилась. 16 мая стрельцы вновь появились перед дворцом с требованием выдачи Ивана Нарышкина. Однако он на этот раз не был выдан. 17-го они вновь появились с тем же требованием, яростно крича, что не уйдут, пока им не выдадут изменника, и грозя боярам. Дворец оказался вновь в осаде. Царевна Софья обратилась к Наталье Кирилловне, требуя выдачи Ивана Нарышкина. «Брату твоему, – говорила она, – не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем из-за него». Запуганные бояре просили царицу о том же, видя в выдаче Ивана Кирилловича единственное средство погасить восстание. Царица была вынуждена уступить и велела вывести брата из темного чулана, где он прятался за перинами и подушками. Его

привели в церковь Спаса за Золотую Решеткою, причастили, соборовали и затем выдали стрельцам. Стрельцы, завидя жертву, бросились на него, но не сразу убили, а потащили его сначала в застенки в Константиновской башне пытаться, чтобы добиться у него признания в измене. Нарышкин мужественно выдержал пытку, не сказав ни слова, и все-таки был рассечен на части на Красной площади. В этот же день был варварски казнен, также после пыток, немец доктор Даниил фон Гаден, обвиняемый в отравлении царя Федора и, разумеется, ни в чем не повинный.

Но партия Нарышкиных казалась все еще недостаточно разгромленной. По наущению Милославских стрельцы продолжают появляться перед дворцом с требованиями, наносившими противникам новые удары. Убийства прекратились, начались проскрипции. 18 мая стрельцы подали челобитную на имя государя, чтобы указал постричь в монахи своего деда, отца Натальи Кирилловны – Кирилла Полуектовича. Спорить со стрельцами не приходилось, под формой челобитной они диктовали правительству свою волю, которая и была немедленно исполнена. Старик был пострижен и отправлен в Кириллов монастырь. 20 мая подана была другая такая же челобитная о ссылке всех остальных Нарышкиных, а также постельничего Алексея Лихачева, казначея Михаила Лихачева, окольничего Павла и чашника Семена Языковых и др. Партия Нарышкиных и Лихачевых была, таким образом, уничтожена. Милославские могли торжество-

вать победу: они добились власти. Но этому фактическому переходу власти надо было придать юридические формы. Это было сделано посредством тех же не допускающих отказа стрелецких челобитных. 23 мая войско заявило о своем желании, чтобы царствовали оба брата вместе. Боярская дума, обсудив это требование, решила созвать Земский собор, который опять в его экстренном малом виде был тотчас же созван и постановил, ссылаясь на примеры из византийской истории, царствовать обоим царям. 26 мая новое требование – царю Ивану Алексеевичу считаться первым царем. 29 мая стрельцы объявили свою волю боярам, чтобы правление государством по молодости обоих царей было вручено царевне Софье. Софья, наконец, достигла цели. Ее заветная мечта осуществилась. Власть, притом открыто и с соблюдением внешних юридических форм, переходила в ее руки.

Царевне, однако, на первых порах пришлось разочароваться в достигнутом успехе. Оказывалось, что она получила только внешнюю форму, только призрак власти. Победа была одержана при помощи такой силы, какую представляло собой в майские дни 1682 г. разнузданное стрелецкое войско. Это войско, распорядившееся царским венцом, скоро почувствовало себя хозяином положения. Во главе его очутился, сделавшись начальником Стрелецкого приказа вместо убитого в смуте князя Ю.А. Долгорукого, князь И.А. Хованский. Хованского впоследствии обвиняли в очень высоких и дерзких замыслах и покушениях; говорили, что он

мечтал женить сына на царевне Екатерине Алексеевне и указывал на свое происхождение из королевского дома Гедими-на, ясно давая будто бы понять, куда он метит. Возможно, что эти рассказы появились во враждебной ему среде, чтобы оправдать внезапную и крутую с ним расправу. Верно, однако, то, что действительная фактическая власть в течение лета 1682 г. оказалась в его руках, поскольку, разумеется, он умел ладить со стрелецким войском. Хованский является в этот период времени посредником между войском и правитель-ницей, и его устами войско продолжает диктовать свою волю царевне Софье так же, как оно ранее диктовало ее царице Наталье. Стрельцы потребовали себе нового титула «надвор-ной пехоты» (гвардии) и сооружения памятника на Красной площади с надписью, восхваляющей их деяния 15–17 мая, и Софья должна была то и другое исполнить. Стрельцы под-держали настойчивые требования раскольников устроить на Лобном месте публичное прение о вере с патриархом и архи-ереями, и Софья устроила его 5 июля 1682 г. и присутствова-ла на нем вместе с царицей Натальей Кирилловной, причем приверженцы старой веры, которой сочувствовал или делал вид, что сочувствует, Хованский, держали себя во дворце при чтении своей челобитной вызываясь дерзко. Смягчать и укрощать эту требовательность войска Софья должна бы-ла постоянными раздачами денег и обещаниями еще боль-ших наград. Правительница скоро поняла, в чьих руках дей-ствительная власть, поняла и то, какой ненадежной опорой

были для нее стрелы. Распустившаяся, не зная над собой удержу вооруженная толпа могла совершить кровавый государственный переворот, но не могла служить опорой для нормальной правительственной деятельности. Но за стрельцами стояла другая социальная сила. Хозяйничанье стрельцов в Москве весной и летом 1682 г. сопровождалось волнением низших слоев московского населения: низшего слоя посадских жителей, московского черного люда и многочисленной челяди, холопей из боярских дворов, получивших волю в майские смутные дни, когда был сожжен Холопий приказ и изодраны хранившиеся в нем крепостные книги.

Настоящей опоры Софья должна была искать в иных общественных элементах и нашла ее в том общественном классе, на который опирались Романовы с самого своего избрания, — в поместном дворянстве. Поняв опасность и непрочность своего положения в столице, Софья с обоими царями выехала 19 августа из Москвы в село Коломенское, откуда перебралась в Саввин-Сторожевский монастырь, а затем в Троицкий. По окрестным уездам были посланы грамоты с предписаниями помещикам немедленно собраться и явиться к государям. Отовсюду съезжались дворянские полки. Когда количество этого дворянского войска оказалось достаточным, Софья велела схватить Хованского и казнить его с сыном без всякого суда. Казнь была совершена 17 сентября, в день ее именин, в отстоящем в 10 верстах от Троицкой лавры селе Воздвиженском, где находилась тогда и са-

ма царевна с государями. Стрельцам нанесен был сильный удар. Первым их инстинктивным движением было схватиться за оружие: они заперлись в Кремле, сели там в осаде. Это было уже настоящее восстание против правительницы. Троицкий монастырь, куда укрылся двор, был переведен на военное положение, как во время знаменитой осады его поляками: везде расставлены были караулы, из бойниц стен выглянули дула орудий. Монастырь стал центром, к которому стягивалась служилая рать. Ее сила была столь внушительна, что стрельцы трусили и решили сдаться. Современники живо изображают, как напуганы были они идущей отовсюду на Москву дворянской ратью и с каким трепетом шла под предводительством суздальского митрополита Илариона выборная депутация от них в Троицкий монастырь с повинной. Депутаты опасались, что их перехватают и казнят так же, как Хованских. Софья, приняв депутацию, согласилась простить стрельцов, если они заслужат прощение своими головами. Стрельцам были предписаны условия, исполнять которые они обязались под присягой. Собираться в круги по-казачьи было им теперь запрещено: столб на Красной площади с хвалебной надписью в память майских убийств велено было сломать; наиболее предприимчивые стрелецкие вожаки были разосланы по уездным городам. Начальником Стрелецкого приказа назначен был думный дьяк Ф.Л. Шакловитый, энергичными и суровыми мерами восстановивший в войске хотя некоторую дисциплину. Только после этих мер Софья

стала действительной правительницей государства. К ноябрю 1682 г. двор вернулся в Москву.

V. Петр в правление Софьи

Уступив первенствующее место царевне Софье и потеряв власть, царица Наталья Кирилловна с детьми не покидает, однако, Кремля. Зима 1682/83 г. проведена была Петром в Кремлевском дворце с кратковременной поездкой в феврале 1683 г. в село Коломенское⁶⁵. Только с наступлением весны, 6 мая, царица с семьей перебралась в летнюю резиденцию, село Воробьево, где и провела значительную часть лета. Петр прерывал житье в Воробьеве приездами в Москву для необходимого участия в церковных торжествах и придворных церемониях. Так, 13 мая он приезжал в Новодевичий монастырь по случаю праздника Смоленской иконы Богородицы, считавшейся главной святыней монастыря; 19 мая, в канун празднования памяти московского святителя Алексея, он вместе с царем Иваном Алексеевичем был в Чудовом монастыре «у малые вечерни и молебного пения». «А после молебного пения, – как замечает разрядная записка этого дня, – быв в своих государских хоромех (в Кремле), изволил с Москвы иттить в село Воробьево ж». 21 мая царь приезжал в Москву для приема польского посланника Яна Зембицкого в Столовой палате Кремлевского дворца. 29 мая

⁶⁵ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 255: 14 февраля 1683 г. «мастеровым людем, которые поехали за ним, государем, в село Коломенское». Но 21 февраля Петр опять в Кремле; см. там же.

он показался в Москве, вероятно, по какому-нибудь личному делу: «изволил, – читаем в разрядной записке, – из села Воробьева притттить к Москве и был в своих государских хоромах. И после того изволил с Москвы итттить в село Воробьево ж». 4 июня польскому посланнику Зембицкому дана была прощальная аудиенция, для которой Петр опять появлялся в Москве на этот день. 7 июня новый приезд в Москву. 8 июня Петр вместе с братом присутствует в Архангельском соборе на панихиде по царю Федору Алексеевичу и затем, по-видимому, остается в Москве на довольно продолжительное время. В Москве 29 июня отпразднованы были царские именины. Отметку о выезде из Москвы мы встречаем в разрядных записях под 13 июля – опять в село Воробьево, где Петр остается всю вторую половину июля и начало августа с такими же кратковременными наездами в столицу: 25 июля поздравлять с «днем ангела» тетку царевну Анну Михайловну, а 30 июля на прием приехавших в Москву «митрополита и иных властей Афонские горы». С 20 по 29 июля в Воробьево приезжал гостить и царь Иван Алексеевич. С середины августа видим Петра уже в Москве. 18 сентября он предпринял обычную для царского двора поездку к Троице ко дню памяти Сергия, 25 сентября, к 30 сентября приехал от Троицы в подмосковное село Покровское на Филях и, встретив там храмовой праздник Покрова, вернулся в тот же день, 1 октября, в Москву. Осень 1683, зима 1683/84 и ранняя весна 1684 г. проведены были в Москве по прежнему порядку.

Несколько раньше, чем в предыдущем году, в 1684 г. Петр перебрался в Воробьево 28 апреля, прожил там май и первые дни июня. 8 июня он переехал в Преображенское, а во второй половине июля 1684 г. мы видим его опять в Воробьеве, куда он выехал 13 июля. В этот день царевна Софья поднесла ему, «как он государь изволил итти в поход в село Воробьево, три места запан», украшенных алмазами: «запана орел с коруною, запана петлицами, запанка кругла»⁶⁶. 27 июля от царя Петра из похода из села Воробьева привезены были в Оружейную палату снасти токарные с предписанием изготовить по присланным образцам снасти железные и немедленно отослать к нему, государю, в Воробьево⁶⁷. Но затем Преображенское становится все более частым местопребыванием, чередуясь только с Коломенским. В Преображенском в 1684 г. Петр проводит август. 6 сентября царица Наталья выехала с сыном на богомолье в Калязин монастырь, оттуда к 25 сентября к Троице и вернулась в Москву, как и в прошлом году, к 1 октября. Октябрь и ноябрь также были проведены в Преображенском – всего, следовательно, в течение 1684 г. Петр прожил в нем не менее четырех месяцев. То же видим и в следующие годы. Даже и в те месяцы, которые Петр проводит в Москве, он постоянно наезжает в Преображенское: видимо, там идут какие-то дела, которые

⁶⁶ Дворцовые разряды, IV, 215, 217–220, 222, 227–231, 244, 249, 251, 284–285; Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 47.

⁶⁷ Есипов. Сборник выписок... т. I. С. 47.

притягивают к себе его внимание. Все же представление о том, что в годы правления царевны Софьи царица Наталья Кирилловна была выжита из Кремлевского дворца, следует считать неверным, так же как и представление о том, что она рассталась с Кремлем в царствование Федора. Основным местопребыванием ее двора при Софье оставался по-прежнему Кремлевский дворец. Но часть года, и чем дальше, тем все более значительную, царица проводит с сыном в летних резиденциях: в 1683 г. в Воробьеве, в 1684 г. в Воробьеве и Преображенском, в 1685–1689 гг. в Коломенском и Преображенском⁶⁸.

Живя в Кремле или в подмосковных дворцовых селах, царь Петр в годы правления Софьи появляется вместе со старшим братом на церковных торжествах и придворных церемониях и принимает в них участие, хотя и далеко не с такой аккуратностью, как царь Иван Алексеевич. Памятником этого участия Петра в церемониях служат Дворцовые разряды – своеобразный камерфурьерский журнал XVII в., к сожалению, не сохранившийся за 1686 и 1687 гг. Обычный годовой круг церковных и придворных торжеств начинался 1 сентября совершением «действия Нового лета». На площади перед Архангельским собором на особом помосте патриархом совершалось молебствие, на которое выходили из дворца через Благовещенский собор оба государя. После молебствия там же на площади патриарх обращался к царям с по-

⁶⁸ Там же. С. 47–48; Дворцовые разряды, IV, 302, 305, 308.

здравительной речью, которую говорил «по письму». Затем государи поздравляли патриарха и духовных властей и принимали поздравления от окружавших их бояр и всякого чина служилых людей, причем в 1683 и 1684 гг. от бояр говорил царям приветственную речь боярин князь Никита Иванович Одоевский. В этот же день, по возвращении во дворец после «действия Нового лета», у государей бывал прием по случаю именин царевны Марфы Алексеевны; государи в Передней палате жаловали именинными пирогами поздравителей: находившихся при московском дворе царевичей, думных чинов и ближних людей, стольников, управлявших приказами («стольников, которые сидят в приказах в судьях»), стрелецких полковников, дьяков, заведующих дворцовым хозяйством степенных ключников и представителей тяглого населения – гостей.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Дворцовые разряды ни разу за 1683–1688 гг. не отмечают празднования именин царевны Софьи и участия Петра в нем. Во второй половине сентября в 1683 и 1684 гг. оба государя по обычаю, заведенному прежними московскими царями, бывали у Троицы. 22 октября бывал торжественный крестный ход из кремлевских соборов в Казанский собор. В нем Петр принимал участие в 1688 г. 21 декабря праздновалась память московского святителя – митрополита Петра. В навечерие этого дня государи бывали в Успенском соборе у вечерни и молебствия, а в самый день праздника в том же со-

боре у литургии. В праздник Рождества Христова перед литургией государи принимали в Столовой или Передней палате дворца святейшего патриарха и духовных властей, являвшихся «славить Христа». 6 января происходило на Москвереке торжественное водосвятие. Но на этом торжестве в 1683 и 1684 гг. присутствовал один царь Иван Алексеевич. 12 января справлялись именины тетки государей царевны Татьяны Михайловны, а 26-го – именины сестры царевны Марии Алексеевны с обычными пожалованиями именинных пиров. Около 29 января, дня годовщины смерти царя Алексея, служилась по нем панихида в Архангельском соборе, 12 февраля праздновалась память другого московского святителя – митрополита Алексия. В канун этого праздника в 1685 г. Петр был у молебна в Чудовом монастыре. 1 марта, в день св. Евдокии, – прием во дворце по случаю именин царевны Евдокии Алексеевны. В один из дней около 17 марта – Алексия Божия человека, день именин царя Алексея, когда полагалось совершать панихиды по церковным уставам, – служилась опять по нем панихида в Архангельском соборе. 25 марта – престольный праздник в Благовещенском соборе. Наступала Страстная седмица.

В Вербное воскресенье совершалось «шествие на ослати». Мы видим Петра на этом торжестве, ведущим под уздцы лошадь, на которой восседал патриарх, за все те годы, за которые сохранились разрядные записи этого дня; 1683 (1 апреля), 1684 (23 марта) и 1685 (12 апреля). В 1688 г. в Вели-

кий четверг он присутствует в Успенском соборе при «действе омовения ног». В Великую пятницу он с особенным постоянством посещает совершающийся в том же соборе обряд омовения «святых мощей» (1683, 1684, 1685, 1688). Утреню в «светлое воскресенье» оба государя слушали в Успенском соборе. После утрени патриарх и духовные власти являлись во дворец в Столовую палату поздравлять государей. В годовщину смерти царя Федора Алексеевича, 26 апреля, а также в день его ангела, 8 июня, были царские выходы на панихиды по нем в Архангельский собор. 15 июня праздновалась память московского митрополита Ионы. В навечерие праздника апостолов Петра и Павла, дня своего ангела, Петр с неизменным постоянством присутствовал в Успенском соборе у вечерни и молебного пения, а в самый день праздника там же слушал литургию. После литургии царь во дворце принимал поздравление с днем ангела и жаловал поздравителей именинными пирогами. В 1683 г. упоминается в этот день «именинный стол в Грановитой палате». За обедом присутствовали святейший патриарх и власти, два сибирских царевича, думные чины, полковники и полуполковники выборных солдатских и стрелецких полков, дьяки Разряда и Стрелецкого приказа, гости, купечество гостиной и суконной сотен и сотские черных сотен и слобод. В следующие годы именинный стол не упоминается. 3 июля или в один из ближайших к этому дней праздновалась память четвертого великого московского святителя – митрополита Филиппа.

па. С 1684 г. в день 5 июля начинает упоминаться благодарственное молебствие в Успенском соборе в память победы над раскольниками в споре, происходившем с ними в 1682 г. Однако на этом молебствии присутствует один царь Иван Алексеевич. 8 июля – крестный ход в Казанский собор. Присутствие Петра в этом ходе упоминается в 1689 г. 25 июля именины тетки, царевны Анны Михайловны. На праздновании дня Успения Богородицы Петр обыкновенно в Успенском соборе, 14-го – у вечерни и молебного пения и 15-го – у литургии. 16 августа справлялся храмовой праздник в придворной церкви Спаса на Сенях. Годовой круг церковных и семейных торжеств при дворе замыкался празднованием тезоименитства царя Ивана Алексеевича 29 августа.

Среди церковных торжеств происходили церемонии чисто государственного характера: приемы иностранных посланников и гонцов, на которых Петр присутствует также с первого года царствования. Так, уже 10 ноября 1682 г., вскоре же после возвращения двора в Москву после стрелецких волнений, государи принимали в Столовой палате Кремлевского дворца хивинское посольство; 1 января 1683 г. была прощальная аудиенция гонцу польского короля; 11 марта являлся «на приезде» шведский посланник, а 4 мая он был принят государями «на отпуске», 21 мая – прием польского посланника и т. д.

Отрочество и юность Петра проходят в соблюдении чинных обрядов величественного кремлевского ритуала с его

церковными торжествами, с царскими выходами к богослужениям и с придворными церемониями. Старший брат, царь Иван Алексеевич, соблюдает их гораздо строже. Петр за время правления Софьи появляется только на церемониях, обозначенных выше; Иван Алексеевич принимает участие и во многих других, сверх упомянутых. Но в душу Петра вследствие его большей восприимчивости и живости внешние впечатления западают глубже. Из участия в юные годы в церковно-придворных церемониях он на всю жизнь хорошо усвоил весь состав богослужебного обихода. Иностранный наблюдатель, секретарь шведского посольства Кемпфер, видевший обоих государей на торжественном посольском приеме летом 1683 г., ярко изображает различие в отношении к окружающему у старшего и младшего братьев. Царь Иван Алексеевич участвовал в церемонии совершенно пассивно, как бы не замечая ничего происходящего перед ним; Петр, наоборот, за всем внимательно следил и живо выражал свое участие. «В Приемной палате, – пишет Кемпфер, – обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустил глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замеша-

тельство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дал времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?» Петр в одиннадцатилетнем возрасте показался Кемпферу шестнадцатилетним юношей⁶⁹.

Но обязательные придворные церемонии, отличавшиеся притом продолжительностью и, надо полагать, до крайности утомительные, едва ли могли привлекать к себе Петра, даже при всей его живости и при всем активном его отношении к окружающему. Вероятно, он чувствовал в них тягостную повинность, отбыв которую спешил предаться своим любимым занятиям. В чем же заключались занятия Петра в годы регентства Софьи?

Мы уже видели, что Зотов и Нестеров в документах упоминаются в качестве учителей Петра именно с 1683 г. 1 апреля этого года Зотов закупает в хоромы к государю «сто-пу бумаги доброй»; 4 апреля приобретает для Зотова «нашивку плетеная золотая с кистями», пожалованная ему учеником; 20 августа ему жалуются материя на два кафтана; 23 октября ему выдается «под кафтан испод песцовой черевей

⁶⁹ Погодин. Семнадцать первых лет. С. 103–104.

белый»; 29 декабря встречаем запись о выдаче ему его жалованья – 30 рублей. Подобные же пожалования ему заносятся в дворцовые хозяйственные книги и в последующие (1684 и 1685 гг.)⁷⁰. В те же годы получает пожалования кафтанам и нашивками и другой учитель Петра, Нестеров, но всегда в меньшем размере, и отсюда видно его значение как младшего⁷¹. Еще и в 1683 г. Петр не расстаётся с азбукой, которая в этом году переплеталась «в пергаминах зеленой»⁷². Однако с этого года появляются в его хорах и другие книги, свидетельствующие о расширении круга его интересов. Книги брались из библиотеки покойного царя Федора Алексеевича. 27 февраля 1683 г. взята была «Библия в лицах с летописцем»; 19 марта были взяты книга «О луне и о всех планетах небесных», хроника Матвея Стрыйковского и «Персонник на латынском языке в пергаминах белом», а 29 октября того же года взяты «Книга беседы иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста на деяние апостольское»⁷³ и книги Минеи месячные: сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы. Когда именно окончились уроки Зотова, неизвестно. Но он за все 1680-е гг. в чине думного дьяка неотлучно находится при Петре. Это видно из того, что думный дьяк Никита Зотов постоянно упоминается в разрядных записях в свите, сопровождающей

⁷⁰ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 256, 258, 259, 264, 270, 271, 273.

⁷¹ Там же. С. 36, 43.

⁷² Там же. С. 259.

⁷³ Забелин. Домашний быт русских царей. Ч. II. С. 603, 604, 605, 600.

Петра в его поездках в загородные дворцы и в путешествиях по монастырям. Перестав быть учителем, он сделался одним из ближайших к царю лиц и сделал в дальнейшем очень видную карьеру, заняв место начальника Ближней канцелярии со званием «Ближней канцелярии генерал-президент». Нестеров по обычаю того времени и по окончании занятий продолжал носить звание «учителя» и получал еще и в 1690–1692 гг. царское жалованье: сукно, атлас и соболей. Что дало Петру первоначальное преподавание? Грамоту, плохое умение писать, выученный наизусть текст нескольких богослужебных книг и кое-какие отрывочные и бессистемные сведения по истории, географии и космографии.

Но внимание Петра все более и более захватывают другие занятия, которые и отрывают его, вероятно, от зотовских уроков. В хоромах царевича Петра уже в самом раннем его детстве мы видели военные игрушки. С возрастом эти игрушки развиваются в военные «потехи» (игры). В начале 1682 г. для царевича в Кремле у его хором устраивается потешная площадка, на которой поставлены потешный деревянный шатер и потешная изба, на площадке стояли деревянные пушки⁷⁴. До нас дошли в большом количестве записи о выдаче по требованию Петра разных предметов, хранившихся в Оружейной палате, или об изготовлении разных предметов по его приказанию. Перед нами в этих драгоценных документах целый мир вещей, которыми окружен

⁷⁴ Там же. С. 230.

Петр, которые его заботят и занимают его внимание, которые показывают, куда направлялись его вкусы и склонности. На первом месте здесь, конечно, предметы военных забав. Так, встречаем записи о починке прорванных, видимо от постоянного употребления, барабанов, об изготовлении новых. 8 мая 1682 г. царь Петр «указал взнесть к себе, великому государю, в хоромы 12 тростей морских средней руки». В Оружейной палате таких тростей не сыскалось, и они были куплены в городских рядах. «И мая в 10 день, – читаем далее в той же записи, – те трости поданы к нему, великому государю, в хоромы; принял боярин и оружейничей Иван Кириллович Нарышкин. И того ж числа от великого государя из хором боярин и оружейничей Иван Кириллович выдал 11 тростей и приказал те трости стростить – из 3-х одну, а из 8-ми 4 трости и приложить к ним копыя железные наводные и прибить прапорцы (знамена) тафтяные». 12 мая – почти накануне кровавых событий стрелецкого бунта – «великий государь Петр Алексеевич указал сделать в Оружейной палате 6 древков кленовых на тростеной образец с коленами, да к тем же древкам сделать 6 копий»⁷⁵. 13 января 1683 г. велено было сделать в хоромы малолетнего царя две пушки деревянные потешные, мерою одна в длину аршин, другая в полтора аршина, на станках с дышлами и с колесами окованными. Пушки эти были изготовлены к 26 марта; внутри они были опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки,

⁷⁵ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 26–29.

дышла и колеса расписаны зеленым аспидом, каймы, орлы, клейма и прочие украшения были вылиты из олова⁷⁶. С переездом двора царицы Натальи в мае 1683 г. в Воробьево военные потехи царя приобретают более широкий размах. На воробьевских полях было для них более простора, чем на площадке кремлевских хором. Прорванные барабаны то и дело присылаются в Москву для починки. В Воробьево производится стрельба из пушек, но уже не из игрушечных деревянных, а из настоящих железных.

30 мая 1683 г., в день рождения государя, произведена была «потешная огнестрельная стрельба», за которую огнестрельный мастер иностранец Симон Зоммер и действовавшие под его руководством Пушкарского приказа гранатного и огнестрельного дела русские мастера и ученики получили награды. Новая потеха, видимо, очень полюбилась Петру. В июле того же года стольник Гаврило Иванович Головкин отдал в переделку для государя «шестнадцать пушек малых, и в том числе пушка большая без станку, две пушки большие на полковых станках, две пушки поменьши тех на полковых же станках, три пушки верховые с станками, две пушки без станков большие, пушка малая без станку, три пушки на волоковых станках – медные, 2 пушки железные без станков; а приказал: к первой пушке сделать два станка, один полковой, другой волоковой; а которые пушки без станков, к тем пушкам приделать станки полковые и расписать крас-

⁷⁶ Там же. С. 33–34.

ками цветными, а старые станки починить и колеса приделать новые»⁷⁷. В августе этого же года упоминаются 10 человек стряпчих конюхов, состоящих «у потешных лошадей», и среди них Сергей Бухвостов и Еким Воронин – будущие первые солдаты зарождающегося среди этих военных игр первого потешного полка – Преображенского. Наряду с этими свидетельствами о настоящих потешных лошадях и пушках встречается еще и в 1683 г. свидетельство о двух деревянных потешных коньках, купленных в хоромы государя⁷⁸. Записи 1684 г. открываются распоряжением окольничего Т.Н. Стрешнева оклеить червчатым бархатом и перевить золотным галуном принесенные им из хором государя два «древка протазанные» (22 января). 3 марта из хором выдал стольник Г.И. Головкин три барабана:

«один большой, другой средний, третий малый – испорчены, кожи у них испроломаны». В апреле вносятся в хоромы 10 сабель, в июне в починку отданы 8 барабанов. Число предметов, отпускаемых из Оружейной палаты, растет. 22 ноября 1684 г. палата отправляет в Преображенское протазаны, алебарды, пальники, палаши, кончеры, шпаги, пищали золоченые, винтованные и духовые и скорострельную о 10 зарядах, мушкеты «с жагры и с немецкими замки», посольские булатные топоры и мечи, бердыш с пищальным ство-

⁷⁷ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 37–40; Забелин. Домашний быт русских царей. Ч. II. С. 647.

⁷⁸ Там же. № 181.

лом и с замком, «бунчук крымской с хвостом» – всего 71 предмет. 13 февраля 1685 г. в Преображенское за Петром везена была оружейная казна на двух подводах: сабли с камнем, булавы, лубья саадашные, щиты, рогатины, знамена, копыя. 30 апреля туда же было отправлено 5 телег: «везены на тех телегах всякие хоромные потехи и ружья»⁷⁹. Май и июнь 1685 г. проведены были в селе Коломенском. Одно требование за другим летит оттуда в Оружейную палату: прислать 16 пар пистолей, такое же число карабинов с перевязями, с медной оправой; прислать 16 мушкетов, 15 карабинов, 8 карабинцев маленьких, прислать луки со стрелами; лук потешной, гнездо северег (стрел) шефраненых с белохвостцовым орловым перьем, гнездо ж северег стольничьей статьи, 5 самопалов новых, два карабинца потешных с замками и с жагры; лук с буйволовыми костями, два лука турецких и т. д. и т. д.⁸⁰ Огнестрельная потеха делается любимым удовольствием Петра и принимает иногда разнообразные и неожиданные формы. 24 февраля 1688 г. производилась «огнестрельная стрельба в верху (т. е. во дворце) на Постельном крыльце. Для этой стрельбы жильцом Никифором Семеновым Кудрявцевым были сделаны мишени: деревянный человек, да змей, да городок»⁸¹. В Преображенском возникает целый потешный городок, который становится центром

⁷⁹ Там же. С. 44–45, 52, 54, 274.

⁸⁰ Арх. Мин. ин. дел. Книга по Устюгу, № 251, л. 34 об. – 35.

⁸¹ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 57–59.

этих военных игр. Городок этот в 1685 г., кажется, состоял всего только из двух избышек. Но в 1686 г. находим известие об отправке туда значительного количества лесных материалов для укрепления городка. По стенам его возводятся башни, на передней из них сооружены часы с боем, для чего потребовалось восемь колоколов. Через Язу перебрасываются мосты. Городок обстраивается. В этом и следующих годах в нем строятся царские хоромы, каменная церковь, особые дворы, где во время пребывания Петра в Преображенском ставятся его приближенные; строятся съезжая изба, избы для офицеров потешного отряда, казенный и оружейный амбары, потешная конюшня и множество других деревянных построек⁸².

Наряду с военными потехами Петр, видимо, начинает еще в ранней молодости интересоваться разного рода ремеслами, любовь к которым он затем сохранил на всю жизнь. 27 июня 1684 г. «дано каменщикам за снасти: за лопатку и за молотки железные, которые у них взяты к нему, государю, в верх – 16 алтын». Это – первое известие о занятиях Петра ремеслом; он начал с ремесла каменщика. От работы каменщика он перешел к печатному делу. 16 ноября того же 1684 г. окольный Т.Н. Стрешнев «приказал из Серебряной палаты к нему, великому государю, в хоромы взнести на печать доску кованую красной зеленой меди, гладкую, в длину и в ширину по десяти вершков». Затем в хоромы поступили

⁸² Там же. С. 345 и сл.

плотничьи инструменты. 30 ноября стольник Г.И. Головкин «приказал сделать в хоромы 2 топорика маленьких плотничных и насадить на топорища кленовые и закрепить с гайки, чтоб было крепко». За плотничьими инструментами последовали столярные. В 1686 г. «сентября со 2-го числа октября по 10-е число по указу в.г. Петра Алексеевича... станочного дела мастера делали к нему, великому государю, в хоромы верстак столярской с двумя выдвижными ящиками». В то же время, в сентябре 1686 г., покупалась в хоромы «кузнечная всякая снасть»⁸³. Таким образом, в детские и юношеские годы Петр проходил разного рода мастерства, приобретал навыки в работе каменщика, типографа, плотника, столяра и кузнеца; упражнял в этих ремеслах детски гибкую руку. Поэтому его рука и была так искусна во всяком мастерстве впоследствии.

В записях Оружейной палаты встречаем известия о посещениях Петром находившейся в палате оружейной большой казны. Появляясь в палате лично, он осматривал хранившиеся в этой обширной кладовой московских государей вещи и приказывал внести к себе в хоромы то, что ему было в данный момент нужно или что занимало его внимание. Так, посетив оружейную большую казну 30 января 1685 г., царь «указал к себе, великому государю, в хоромы взнести: образ всемилостивого Спаса» с изображениями по сторонам Пресвятой Богородицы и Иоанна Предтечи, «резан по сло-

⁸³ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 46, 51, 53, 72, 73.

новой кости, на малой дске; карабинец немецкой винтованной, малопулей, станок с раковинами; часы столовые стоянцы; часы же столовые с арабом; часы же шкатуна большая, коробочку – янтарные; пару пищалей золоченых, станки яблоновые с костми и с раковины и с серебряною оправою; пищаль гладкую, красного железа нарядную»⁸⁴. Главным образом, Петр выбирает оружие, оружие всего более его занимает. Побывав в палате 11 июля 1687 г., он указал к себе внести пищаль, «ухват, что людей хватают, ратовище дубовое, подшошек железный», 3 алебарды немецкого дела, 3 знамени сотенных, писанных по камкам, 10 копий железных, 2 копыя с крюками, 70 карабинов, 20 копий с древками, 10 древков копейных, 5 труб фитильных, 4 барабана, 2 корабля малых (модели?). Но во время одного из посещений, 30 сентября 1686 г., царь вместе с калмыцким саадаком, бухарским луком, булатным тесаком и тремя пистолетами захватил и музыкальные инструменты – «фиоль немецкую точеную и 4 тулунбаса медных», а также, видимо, привлечший к себе его внимание «глебос большой» – большой географический глобус. По этому глобусу Петр мог получить представление о шарообразной форме земли. Но глобус, должно быть, служил еще и для каких-либо иных занятий, помимо географических, по крайней мере, ему понадобилась основательная починка. Под 1 марта 1688 г. встречаем запись: «велено в Оружейной палате глебуз, который выдан от него, великого

⁸⁴ Там же. № 246.

государя, из хором, починить заново. И тот глебуз для починки часового дела мастеру иноземцу Ивану Яковлеву, а по скаске его надобно на починку того глебуза: меди провололочной толстой – шесть фунтов, бумаги александрийской руки 10 листов; яиц свежих 50»⁸⁵.

Любопытство, возбужденное другим инструментом, побудило, как известно, Петра уже самостоятельно, по доброй воле и с жаром приняться за продолжение столь рано прерванного образования. Об этом втором периоде своего учения рассказывает нам сам Петр в написанном им предисловии к Морскому уставу, изданному в 1720 г. В этом предисловии Петр дает краткий очерк истории кораблестроения в России и, между прочим, вспоминает и о своем образовании. «Перед посылкою князя Якова Долгорукова во Францию, – пишет царь, – между другими разговоры сказывал вышеупомянутый князь Яков, что у него был такой инструмент, которым можно было брать дистанции или расстояния, не доходя до того места. Я зело желал его видеть; но он мне сказал, что его у него украли. И когда поехал он во Францию, тогда наказал ему купить между другими вещами и сей инструмент»⁸⁶. И когда возвратился он из Франции и привез, то

⁸⁵ Есипов. Сборник выписок... Т. I, № 336, 320, 342.

⁸⁶ Стольник князь Я.Ф. Долгорукий был отправлен во Францию весной 1687 г. для привлечения Франции к союзу против турок. 22 февраля 1687 г. из царской Мастерской палаты было ему выдано «1000 золотых одиноких, а те золотые посланы с ним для покупки немецких узорочных товаров про обиход великих государей, как он послан на посольство во французскую и иные немецкие зем-

я, получа оный, не умел его употреблять. Но потом объявил его дохтуру Захару фон-дер Гулсту, что не знает ли он? который сказал, что он не знает, но сыщет такого, кто знает; о чем я с великою охотою велел его сыскать. И оный дохтур в скором времени сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показал, который, увидев, сказал те ж слова, что князь Яков говорил о них, и что он употреблять их умеет: к чему я гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации. И тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспристанно и в компаниях с нами»⁸⁷. До нас дошли три отрывка из учебных математических тетрадей Петра с собственноручными его записями. В первом из них Петром, вероятно под диктовку учителя, записаны правила первых трех арифметических действий: «адицоа», «супстракцию» и «мултопликация», также решенные им задачи на эти действия. Часть задач на умножение писаны рукой учителя. Во втором отрывке находится правило определения широты данного места; в третьем – правило, как вычислить полет брошенной из мортиры бомбы⁸⁸. Так как Петр в упомянутом предисловии к Морскому уставу говорит, что у Тиммермана он учился геометрии и фортификации, то С.М. Соловьев

ли» (Есипов. Сборник выписок. Т. I. С. 280). Долгорукий возвратился из Франции 15 мая 1688 г.

⁸⁷ Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. II, приложение I.

⁸⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. № 1–3 (далее – П. и Б.).

думал, что с правилами арифметики Петр познакомился под руководством какого-либо другого учителя. Так это или иначе, во всяком случае, Петром был пройден математический курс, какого его старшим братьям не преподавалось. По примеру старших детей царя Алексея Петру после первоначального учебного курса следовало бы проходить высший словесный курс под руководством какого-либо ученого украинца, вроде Симеона Полоцкого. Но царица Наталья Кирилловна подозрительно относилась к ученым украинцам, державшим сторону царевны Софьи, и со словесным курсом медлила, а тем временем любознательность юного царя, возбужденная неизвестным предметом – астролябией, – повлекла его к добровольным занятиям математическими науками под руководством иностранца.

Точно так же любознательность, возбужденная случайно попавшимся на глаза предметом, вызвала в юном Петре склонность, которая стала в нем преобладающей страстью до конца дней. Так, по крайней мере, объяснял он сам в том же предисловии к Морскому уставу возникновение отличавшей его любви к морю, к мореплаванию и кораблестроению. Потешные «суды» – струг и шняк – существовали уже в 1687 г. в Преображенском потешном городке на Яузе⁸⁹. Но исключительный интерес к плаванию начинается со случайной находки. «Несколько времени спустя (в 1688 г., после того как Долгорукий привез астролябию) случилось нам быть в Из-

⁸⁹ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 346–347.

майлове на Льяном дворе и, гуляя по амбаром, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца (Тиммермана), что это за судно. Он сказал, что то бот английский. Я спросил, где его употребляют. Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветра; которое слово меня в великое удивление привело и якобы невероятно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал. Он сказал мне, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийское море, который оный бот починил и сделал машт и парусы и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил, для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более. Того для я стал проведывать, где более воды. То мне объявили Переяславское озеро, яко наибольшее, куда я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился. А

потом уже стал ее просить и явно, чтобы там двор и суды сделать. И так вышереченный Карштен Брант сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро. Но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положил намерение прямо видеть море». Воспоминания царя, написанные спустя 32 года после рассказанных в них событий, вполне точны и подтверждаются другим документом. Действительно, в Дворцовых разрядах за 1688 г. под 30 июня записан поход Петра в Троицкий монастырь «по своему государскому обещанию» в необычное для такого похода время и несмотря на то, что ездил туда незадолго перед этим с матерью (31 мая 1688 г.). Сохранилось и письмо Петра к царице Наталье Кирилловне, помеченное «із Переславля, іуля въ 5 д.» (1688 г.): «Желаю всегда здравия, а я за благословениемъ твоімъ живъ і паки благословения прошу»⁹⁰.

27 января 1689 г. царица Наталья Кирилловна на семнадцатом году женила сына на дочери окольного Федора Абрамовича Лопухина Евдокии. Свадьба была сыграна скромно. Венчался Петр в маленькой дворцовой церкви Апостолов Петра и Павла, построенной в 1684 г. Таинство совершал его духовник протопоп Меркурий. К красавице жене Петр не почувствовал никакой склонности. По-видимому, его го-

⁹⁰ Устрялов. История. Т. II, приложение I; Дворцовые разряды, IV, 388; П. и Б. Т. I. № 4. В письмах, собственноручно написанных Петром, сохранена его орфография. (Ред.)

раздо более занимали в то время заложенные предыдущим летом в Переяславле корабли. Едва миновал медовый месяц и стали вскрываться реки, Петр летит уже, забыв жену, к любимому озеру. Сохранилось пять писем Петра к матери, писанных из Переяславля весной 1689 г.⁹¹: «Вселюбезнейшей і паче живота телесного дражайшей моей матушьке, – пишет он в одном из них, – гасударыни царице і великой княгине Наталиі Кириловънѣ; сынишъка твой, в работе пребывающей, Петрушъка, благословения прошу, а о твоём здравіи слышать желаю. А у нас молитвами твоими здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, і суды все кромѣ большого коробля в оддѣлкѣ, тол [ко] за канатами станеть, і о том милости прошу, чтоп тѣ канат[ы] по семисот сажен ис Пушъкарского приказу не мешкофѣ присланы были; а за ними дѣло станеть, і житѣ наше продолжитца. По сем паки благословения прошу. Ис Переславля, апреля 20 д. 1689». Судя по записям Дворцовых разрядов, 23 апреля Петр был уже в Москве. «За три часа до вечерни» в этот день он «изволил с Москвы итить в село Преображенское», 26 апреля из Преображенского он приезжал в Москву на панихиду по царю Федору Алексеевичу и вернулся опять туда же⁹². Проведя конец апреля и май в Преображенском, где также началась по-

⁹¹ П. и Б. Т. I. № 5–9.

⁹² Дворцовые разряды, IV, 432–433. Если только верны записи Дворцовых разрядов за эти дни, тогда нельзя относить к концу апреля письмо Петра к матери из Переяславля (П. и Б. Т. I. № 7), как это делают издатели П. и Б.

стройка потешного корабля, Петр 2 или 3 июня 1689 г. опять примчался в Переяславль. 8 июня он писал матери письмо, опять вводя ее в свои интересы: «Вседража[й]шей моей ма- тушкѣ недостойноі Петрушка, благословения прося, чело- мѣ бую і за присылку з дохтуромѣ і з Гаврилою (Головки- ным), яко Ной иногѣда о масличном сукѣ, радуюся і паки че- лом бую. А у нас все молитвами твоіми здорово, і суды уда- лись всѣ зело хороши. По семѣ дай Господь здравия души і тѣлу, якоже азѣ желаю. Аминь. Іс Переславля, іуня в 8 д. А масътеръ корабелной Корть (помощник Карстен Бранта) іу- ня в 2 д. умъре до нашего приезде за дватцать за два часа»⁹³. 11 іюля видим Петра уже в Москве в Архангельском соборе на панихиде по царю Федору Алексеевичу. Панихида долж- на была служитья 8 іюня на память Федора Стратилата, но была отложена до 11-го, «для того, что государей из походу дожидались»⁹⁴.

⁹³ П. и Б. Т. I. № 8.

⁹⁴ Дворцовые разряды, IV, 445.

Юность

Ioan Alexouuitz, et Pierre Alexouuitz

Freres, Czars ou Grands Ducs, de Moscou, Succederent a la Couronne de leur frere, que l'on a cru auoir esté empoisonné, pour auoir Epouse une Noble Polonoise, en auoir pris les habits, et imité les costumes des Polonois. Il mourut Aagé de 26 ans, en 1682, et laissa deux freres, *Ioan*, lors Aagé de 29 ans, tres Incomode de la veüe fut élu Czar, par plusieurs Boiars, d'autres Grands seig. elurent po. leur prince *Pierre*, lors Aagé de 9. ans, cela fit de grandes diuisions. Le *Smat* reconnu ces 2 freres pour Czars qui gouuerne ensemble tres Sagement.

Петр и Иоанн Гравюра Ф. Жоллена. 1685

VI. Столкновение Петра с Софьей

В этих забавах проходила юность Петра, и он достиг уже семнадцатилетнего возраста. Если в одиннадцать лет иностранцу, его видевшему, он казался шестнадцатилетним, то понятно, что в семнадцать лет он выглядел совершенно взрослым. Лица, стоявшие близко к Петру, пользовались, конечно, каждым случаем подчеркнуть возмужалость царя и его способность взяться за государственные дела. Передавая толки в московском обществе и, может быть, выдавая предположения и желания за совершившиеся уже факты, шведский резидент в Москве фон Кохен еще в декабре 1687 г. доносил своему правительству, что теперь царя Петра стали ближе знать, так как «первый министр кн. Голицын (Василий Васильевич) обязан ныне докладывать его царскому величеству о всех важных делах, что прежде не делалось; говорят, что в течение наступающего января месяца его царское величество вступит в брак». Брак состоялся ровно на год позже. 10 февраля 1688 г. тот же Кохен доносил, что «его царское величество царь Петр прилежно посещал Думу и, как говорят, недавно ночью секретно рассматривал все приказы»⁹⁵. Нет пока возможности проверить это сообщение; но от марта того же 1688 г. имеется вполне достоверный документ, содержащий известие о посещении Петром Посольского при-

⁹⁵ Русская старина. 1873, сентябрь.

каза и намека на посещение им Разряда. 16 марта, в четвертом часу ночи, т. е. по нашему счету в десятом часу вечера, Петр, возвращаясь из Архангельского собора с панихиды по царю Алексею Михайловичу, зашел в сопровождении свиты в Посольский приказ, был там в Большой палате, побывал и в другой комнате, так называемой «тайной казенке», где обратил внимание на находившиеся там иконы. Об этом посещении царя приказные дьяки В. Бобинин, И. Волков и Б. Михайлов на следующий день известили князя В.В. Голицына и его сына письмом: «Премилосердным государем нашим князю Василию Васильевичу, князю Алексею Васильевичу здравия и радости и нескончаемых благ непрестанно со усердием желаем. Известно вам, государем, чиним, что сего марта в 16 день великим государем, их царскому величеству, выход был к Архангелу к понахиде, а после того в ночи в четвертом часу пришествие великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича (титул) было в государственной Посолской приказ и изволил в большой палате постоять у стола и смотреть росписи колодником и в тайной казенке быть изволил же и смотрел икон. А были при нем, великом государе, князь Борис Алексеевич Голицын, бояря князь Михайло Алегукович Черкасской, князь Михайло Иванович Лыков, князь Иван Борисович Троекуров, окольничей Семен Федорович Толочанов, Алексей Иванович Ржевской и иные ближние люди, человек з двадцать. И при нем, великом государе, спрашивал князь Борис Алексеевич: где сидят дон-

ские раскольники? И дневальные сказали, что розданы дьяком и подьячим за караул по дворам. И изволил великий государь из государственного Посольского приказа шествовать в Розряд. А иных колодников и ни о чем о ином спрашивать не изволил. А в то, государи, время, как ево государское пришествие было и в приказе дневальные подьячие и сторожи были все и ко входу палату отперли вскоре. И все, государи, в приказе здорово»⁹⁶. Петр, следовательно, заходил в приказ уже в неприсутственное время, когда в нем оставались только дежурные подьячие и сторожа.

То обстоятельство, что Петр постоял несколько времени у стола в Большой палате Посольского приказа и посмотрел на иконы в тайной казенке, не дает еще возможности заключать о его стремлении взяться за государственные дела, сколь ни оригинально было это посещение царем приказа, прецедента которому нельзя, вероятно, найти в истории XVII в. Но Софья и ее приверженцы могли истолковать это неожиданное происшествие как один из признаков желания приближенных Петра знакомить царя с государственными учреждениями и вводить его в работу государственной машины. Разговоры о переходе власти к Петру не прекращались в Москве всю весну 1688 г.

«Самое правительство, – пишет тот же Кохен от 6 апреля, – находится *in statu quo ante*, и потому известие из Поль-

⁹⁶ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1911. Кн. 4, смесь. № 6.

ши о происшедшей перемене правительства есть пустой вымысел. Если бы что произошло, то я по обязанности не преминул бы тотчас уведомить о том». Но 11 мая он уже сообщает: «Кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отныне тоже примут участие в управлении государством. Несколько дней тому назад брат матери его, Лев Кириллович Нарышкин, пожалован в бояре»⁹⁷. В январе 1689 г. произошло событие, окончательно уже свидетельствовавшее о совершеннолетию Петра: он женился. Положение правительницы Софьи становилось поэтому неловким: ей предстояло удалиться.

Софья прекрасно понимала это и давно уже стала заботиться о том, чтобы упрочить свое положение, придав своей власти более постоянную форму. После заключения вечного мира с Польшей 26 апреля 1686 г., по которому Киев оставался навсегда за Московским государством и который справедливо мог считаться крупнейшим успехом ее правления, Софья стала именовать себя в грамотах рядом с именами царей. Указ об этом именовании царевны вышел 8 января 1687 г. В грамотах и других официальных актах титул государей стали писать таким образом: «Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всея Великие и Малые и Белые Росии самодержцы». С того же времени царевна стала появ-

⁹⁷ Русская старина. 1878, сентябрь. С. 124.

ляться вместе с царями на дворцовых церемониях и на выходах к церковным торжествам, приучая общество видеть себя неразлучной с царями. Но всего этого было недостаточно. У Софьи созревает мысль о венчании царским венцом. В августе 1687 г. Софья поручила своему второму фавориту, Шакловитому, без шума разведать, как примут эту мысль стрельцы и поддержат ли ее намерение. Шакловитый созвал к себе на дом 30 стрелецких урядников и предложил им написать челобитную с просьбой, чтобы царевна венчалась царским венцом. Урядники отнеслись к предложению холодно, заявив, что челобитной писать не умеют и опасаются, примет ли ее царь Петр Алексеевич. «Если не послушает, – возразил Шакловитый, – схватите боярина Льва Кирилловича Нарышкина и кравчего Бориса Алексеевича Голицына: тогда примет челобитье». – «А патриарх и бояре?» – спрашивают неохотно стрельцы. «Патриарха можно переменишь, – горячится Шакловитый, – а бояре – отпадшее, зяблое дерево; разве постоит до поры до времени один князь Василий Васильевич Голицын». Так передавался этот разговор позднее на следствии по делу Шакловитого, осенью 1689 г. Из этой беседы Софья поняла, что стрельцы не будут ее поддерживать особенно усердно, раз надо было прибегать к таким насильственным мерам, как захват близких к царю людей и смена патриарха. На время она решила отложить свое намерение, однако не совсем отказалась от него. Для более постепенного приготовления умов к замышляемому перево-

роту был отпечатан ее портрет в царском облачении, в короне и со скипетром в руках. Ее окружают семь аллегорических изображений, представляющих семь ее добродетелей («разум, благочестие, щедрота, великодушие, надежда божественная, правда, целомудрие»). Сильвестр Медведев написал к портрету вирши, прославляющие царевну за эти добродетели. На овальном ободке портрета прописан был полный царский титул царевны с обычным перечислением всех земель, входящих в состав Московского государства. Такое же изображение с надписями на латинском языке было заказано в Голландии для распространения за границей, для подготовки иностранных дворов к московским переменам.

Между тем царица Наталья Кирилловна зорко и ревниво следила за честолюбивыми поползновениями царевны; раз даже не сдержалась и открыто высказалась в присутствии старших и младших царевен, золовок и падчериц: «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть, и они того дела не покинут». Официально между обоими дворами, царевниным и царицыным, соблюдались корректные отношения. Конец августа 1688 г. оба государя и с ними царевна-правительница проводили в селе Коломенском. «Августа в 27 день, – читаем в Дворцовых разрядах, – великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всеа Великие и Малые и Белые России самодержцы изволили государыни цари-

цы и великие княгини Натальи Кирилловны ангелу (26 августа день св. Наталии) праздновать в селе Коломенском»⁹⁸. На самом деле между ними накопало взаимное и все более открытое раздражение, становившееся заметным посторонним наблюдателям. Софья косо посматривала на занятия Петра. Его потешных она называла озорниками, а он все набирал и набирал потешных. За осень 1688 г. генерал Гордон заносит в свой дневник ряд требований Петра о высылке из Гордонова полка в Преображенское для записи в потешные солдат, флейтчиков и барабанщиков, замечая при этом, что князь В.В. Голицын очень недоволен этими требованиями. Гордон делит в дневнике придворное общество на две противоположные партии и под 23 сентября 1688 г. делает отметку, что разговор Петра с каким-то подьячим, которого царь расспрашивал, получали ли жалованье подьячие, возбудил неудовольствие в другой партии. 17 октября он упоминает в дневнике о том, что, возвращаясь из Измайловского с близким к князю В.В. Голицыну человеком Л.Р. Неплюевым, имел с ним пространный разговор о тогдашних «тайных соображениях»⁹⁹. Как потом выяснило следствие, у людей, окружавших царевну и предвидевших с ее падением и свое собственное, стали появляться страшные мысли. Князь В.В. Голицын вздыхал: «Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью с братьями, теперь бы ничего не было». Шаклови-

⁹⁸ Дворцовые разряды, IV, 406.

⁹⁹ Tagebuch des generals Patrick Gordon, II, 227, 229, 232.

тый ставил вопрос ребром: «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу извести». Один из его подчиненных, стрелец Чермный, шел далее всех и высказывался уже совершенно открыто. «Как быть, – рассуждал он, – хотя и всех побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, медведицу». А на возражение, что за мать вступится царь, он добавлял: «Чего и ему спускать? Зачем стало?» Софья подогревала это настроение своими жалобами на притеснения, чинимые будто бы ей нарышкинской партией. Неоднократно царевна призывала к себе доверенных стрельцов и беседовала с ними. «Зачинает, – говорила она раз перед ними в церкви у Спаса на Сенях, – zaczynaет царица бунт с братьями и с князем Борисом Голицыным, да и патриарх на меня посягает; чем бы ему уговаривать, а он только мутит». Шакловитый, присутствовавший при этом разговоре, сказал: «Для чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять (устранить)? Можно бы принять и царицу. Известно тебе, государыня, каков ее род и какова в Смоленске была: в лаптях ходила!» – «Жаль мне их, – возразила царевна, – и без того их Бог убил». Среди стрельцов приверженцы Софьи распускали самые нелепые слухи вроде тех, какие были пущены в 1682 г. Говорили, что Нарышкины покушаются на жизнь царевны; что Федор Нарышкин, придя в комнату царевны, бросил в нее поленом; что Лев и Мартемьян Нарышкины ломились в комнату царя Ивана и изломали его царский венец; что Лев Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын раста-

щили всю царскую казну, а всех стрельцов хотят перевести; что в Преображенском только и дела что музыка да игра и что приспешники молодого царя «с ума споили» и т. д. Чтобы раздражить спокойных стрельцов, прибегали даже к хитростям. Преданный Софье человек, подьячий приказа Большой казны Шошин, одевшись в костюм, похожий на костюм Льва Кирилловича Нарышкина, в сопровождении стрелецких капитанов ездил ночью по Москве, хватал караульных стрельцов и приказывал бить их до смерти. И когда стрельцов начинали колотить, один из спутников Шошина громко восклицал: «Лев Кириллович! За что бить до смерти? Душа христианская!» Этим думали вызвать озлобление против Нарышкина в массе стрельцов. Но масса эта оставалась спокойной. На жалобы Софьи у Спаса на Сенях наиболее преданные стрельцы равнодушно отвечали: «Воля твоя, государыня, что хочешь, то и делай». Настроение 1682 г. не повторялось. Самые беспокойные и недовольные элементы из стрелецкого войска были разосланы из Москвы по городам после расправы с Хованским, и Софья теперь потеряла то орудие, которым она так успешно действовала в 1682 г. Речи Софьиных приспешников немедленно передавались ко двору царицы Натальи и передавались в настолько преувеличенном виде, насколько могла преувеличивать сплетня XVII в. При царицыном дворе обвиняли Шакловитого в попытках убить князя Б.А. Голицына и братьев Нарышкиных, говорили, что он намеревался вдовствующую царицу заточить в мо-

настырь или прямо извести, запалив Преображенское, что сторонники Софьи ворожили против здоровья царицы и по ветру напускали на нее с сыном и на всю их родню всякие болезни и т. д.¹⁰⁰ Озлобление между обеими сторонами росло. Легко понять, какое впечатление производили эти разговоры при дворе царицы Натальи на восприимчивого юношу Петра, видевшего в детстве кровавые сцены устроенного сестрой стрелецкого мятежа, какая глубокая ненависть к Софье должна была расти в его душе. Первые открытые столкновения брата с сестрой произошли в июле 1689 г.

Между тем как Петр летом 1689 г. особенно усердно предавался военным играм с потешными конюхами и новому занятию, всецело его захватившему, – кораблестроению, все более тяготясь московским церковно-придворным ритуалом и все более уклоняясь от участия в его исполнении, царевна-правительница как бы намеренно подчеркивает свое строгое соблюдение этого ритуала и свою преданность святыням и готовность участвовать в церковных торжествах. Вернувшись из Переяславля к 11 июня и побывав на панихиде по царю Федору, служившейся в этот день именно потому, что царь запоздал к 8-му, Петр после панихиды отправился в Преображенское. 19 июня оттуда в Оружейную палату был прислан потешный сокольник Иван Юров, который, «пришед, сказал: сего де вышеписанного числа из се-

¹⁰⁰ «Розыскные дела о Федоре Шакловитом», изд. Археографической комиссией.

ла Преображенского великий государь послал его к Москве в Оружейную палату, а указал: пару пистолей немецких со станками шамшировыми, с золоченою медною оправою, которая прислана была из Оружейной палаты к нему, великому государю, в поход сего ж месяца июня, отдать в Оружейную палату по-прежнему, и вместо того взять три пары пистолей немецких же, с станками с синослоевыми»¹⁰¹. В то же время в Преображенском заложен был «потешный корабль», крупных размеров баркас, стенки которого строились в четверть аршина толщины. Из Преображенского Петр появился в Москве 24 июня вечером «в отдачу дневных часов, а 25 июня вместе с царем Иваном он после литургии выходил в Успенский собор на торжественное молебствие по случаю дня коронации, совершавшееся патриархом. Затем отметки о выезде Петра из Москвы нет. 28 июня он по обыкновению был вместе с братом в Успенском соборе у малой вечерни и молебного пения, 29 июня, в день своего ангела, в том же соборе слушал литургию. После литургии Петр вверху, в новой Столовой, жаловал сибирского и касимовского царевичей, бояр, окольничих, думных и ближних людей для тезоименитства своего кубками ренского, а после них в той же палате жаловал стольников, полковников, стряпчих походных, дьяков и гостей водкой. В этот день объявлены были производства в чины.

Царский тесть Ф.А. Лопухин был пожалован в бояре, И.И.

¹⁰¹ Есипов. Сборник выписок... Т. I. С. 85.

Нарышкин и П.М. Апраксин из комнатных стольников были произведены в окольничие. 2 июля за 3 часа до вечера Петр отбыл в Коломенское. За описанное время он пропустил целый ряд церковных торжеств, на которых неизменно присутствовала Софья, частью с царем Иваном, частью одна. 14 июня в Успенском соборе царь Иван с царевной Софьей присутствовали на молебствии по случаю полученных вестей о победе Голицына над крымцами. Петр, вероятно, сознательно уклонился от этого торжества, так как вести из Крыма не заключали в себе ничего отрадного. Голицын писал, что при приближении русских к Крыму были бои с крымцами, в которых «ратные люди бусурман многих побили и живых поимали и с поля их сбили», что хан «с своим поганством, видя их, ратных людей, мужественное и храброе на себя наступление, ушли от них в Перекоп и в иные дальние свои жилища». В дальнейшем же извещалось, что когда бояре и воеводы от Перекопи отступили и шли к речке Белозерке, то на них нападали белгородские орды и черкесы и «с теми неприятелями были у ратных людей бои великие, на которых они, ратные люди, того поганства многих побивали». Отступление от Перекопи, укрепления которой Голицын не решился штурмовать, знаменовало собой явную неудачу второго Крымского похода. Так это и поняли при дворе Петра. 14 июня было навечерие памяти Ионы, митрополита Московского. Царевна второй раз в этот день выходила в Успенский собор к всенощному бдению. 15 июня, в самый день памя-

ти митрополита Ионы, она слушала в Успенском соборе литургию, вечером этого дня в канун празднества Тихона чудотворца была у всенощной во вновь сооруженной церкви Тихона в Белом городе у Смоленских ворот, а утром 16 июня, в самый праздник Тихона, присутствовала на освящении этой церкви и слушала в ней литургию. 20 июня царевна «изволила для моления о дожде иттить к церкви пророка Илии, по прозванию Обыденного, что за Пречистенскими вороты близ Москвы-реки, и той церкви слушать всенощного пения»¹⁰². Утром 21 июня она вместе с царем Иваном Алексеевичем шла в крестном ходу из Успенского собора в эту церковь Ильи Обыденного и была там за обедней. 23 июня, в день празднования Сретения Владимирской иконы Богоматери, царевна шествовала в крестном ходу из Успенского собора в Сретенский монастырь, отстояла там литургию, а после литургии вернулась с крестным же ходом в Успенский собор. 26 июня она «изволила иттить для моления» в Новодевичий монастырь, была там у обедни и молебного пения. 27-го прибыл туда царь Иван Алексеевич. Из монастыря царевна с братом вернулись 28 июня на рассвете, 4 июля, в навечерие празднества «преподобного Сергия Радонежского», царевна слушала всенощную на Троицком подворье в церкви Сергия. 5 июля вместе с царем Иваном она была за литургией в той же церкви, а затем оба прибыли в Успенский собор на молебствие по поводу победы над раскольниками в этот

¹⁰² Дворцовые разряды, IV, 446–447.

день в 1682 г.: «что в прошлом во 190 г. июля 5 дня милостию всесильного Бога за Его святую соборную и апостольскую церковь и за святую непорочную христианскую веру раскольщики и церкви Божии противники распопа Микитка Пустосвят с его советники поправаны, и побеждены, и искоренены». 7 июля было празднование московскому митрополиту Филиппу, перенесенное почему-то на этот день с 3 июля. Царевна Софья с братом Иваном – в Успенском соборе¹⁰³. Эти частые выходы царевны, это постоянное появление ее на церковных торжествах среди народа, создавшее царевне популярность, не были по душе царице Наталье и приверженцам Петра, могли казаться им опасными. Можно предполагать, что при дворе Петра шла речь, что надо положить этим выходам конец. 8 июля, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, бывал из кремлевских соборов крестный ход в Казанский собор к литургии. На это торжество рано утром 8 июля приехал из Коломенского в Москву Петр. Оба государя и царевна из дворцовой церкви Спаса, сопровождая иконы, вышли в Благовещенский собор, а оттуда направились в Успенский собор. Против угла «Грановитой палаты» шествие встретил патриарх со всем Освященным собором. Приложившись к иконам и преподав благословение государям, патриарх вместе с ними вошел в Успенский собор. В соборе государи прикладывались к иконам и мощам, а хор пел им многолетие. Отсюда крестный ход должен был двинуть-

¹⁰³ Дворцовые разряды, IV, 452–455, 447–450, 453, 455–456.

ся дальше. В этот момент и произошло столкновение Петра с сестрой. Царевна взяла образ «О тебе радуется», чтобы нести его в ходу. Петр потребовал, чтобы Софья не ходила. Царевна возражала, вышел горячий спор. Царевна настояла на своем и отправилась с крестным ходом. Петр, сдерживая гнев, дошел с процессией до Архангельского собора, здесь ее покинул и уехал в Коломенское. После многолетия, читаем в официальной разрядной записке этого дня, ни слова, разумеется, не говорящей об описанном столкновении, о котором нам рассказывает в своих воспоминаниях А. Матвеев, из соборной церкви великий государь Иоанн Алексеевич и великая государыня Софья Алексеевна изволили идти за иконами и за честными крестами в Спасские ворота на Лобное место. А великий государь Петр Алексеевич «изволил святые иконы и честные кресты из соборные церкви проводить до соборные ж церкви Архистратига Божия Михаила и изволил он, великий государь, приттить в тое церковь. И, знаменався у святых икон и у мощей благоверного царевича Димитрия, изволил с Москвы иттить в то же вышепомянутое село Коломенское»¹⁰⁴.

И после происшедшего 8 июля эпизода Софья, совершенно не считаясь с недовольством Петра и вопреки его словам, продолжала выходы на публичные торжества. 14 июля вечером она присутствовала у всенощной в церкви Князя Владимира, что на Кулишках, подле Ивановского монастыря, а на

¹⁰⁴ Дворцовые разряды. IV, 457–458; Матвеев. Записки, изд. Сахаровым. С. 52.

другой день, 15 июля, была на освящении этой церкви. Поводом к дальнейшим столкновениям было возвращение из похода князя В.В. Голицына и прием, оказанный ему Петром. 18 июля полкам князя Голицына, расположенным в окрестностях села Семеновского, на Калужской дороге, велено было идти к Москве. 19 июля царица устроила своему любимцу торжественную встречу. Рано поутру в этот день царица прибыла в церковь Тихона, что у Смоленских ворот, и, выслушав здесь молебен, отправилась к Серпуховским воротам, чтобы встретить «животворящий крест» и иконы, бывшие в полках в походе. За крестом и иконами, сопровождаемыми духовенством Донского монастыря и духовенством, бывшим в походе, шли князь В.В. Голицын и другие воеводы, командовавшие разрядами: командир Новгородского разряда боярин Алексей Семенович Шеин, Рязанского разряда боярин князь Владимир Дмитриевич Долгорукий, командир Низового полка стольник и воевода Василий Михайлович Дмитриев-Мамонов и подчиненные им воеводы.

Встреча состоялась на указанном месте, у Серпуховских ворот. Приложившись к кресту и иконам, царица жаловала бояр и воевод «к руке» и спрашивала их о здоровье. От Серпуховских ворот шествие двинулось в Кремль Кадашевским и Всесвятским мостом через Предтеченские ворота. Впереди двигались ратные люди: «ротмистры, и полковники, и стольники, и стряпчие, и порутчики, и хорунжие, и дворяне, и жильцы, и иных чинов по 5 и по 6 человек в ряд в саадаках и

в саблях и с иным оружием». Затем следовало духовенство, Освященный собор с Адрианом, митрополитом Казанским и Свияжским, во главе, а за крестом и иконами шла царевна в сопровождении князя Голицына и других воевод, думных чинов, московского дворянства, дьяков, гостей и приказных людей. У дворца, у Колымажных ворот, встретил процессию царь Иван Алексеевич, а перед Успенским собором, у угла Грановитой палаты, – патриарх, отслуживший затем в Успенском соборе молебен. После молебна, сопроводив крест и иконы к себе «в верх», царевна и царь Иван в Передней палате дворца вновь жаловали воевод «к руке», причем думный дьяк В.Г. Семенов говорил им приветственную речь. А затем государь и царевна жаловали «к руке» и всех участвовавших в процессии служилых людей¹⁰⁵.

Торжество вышло внушительным. Тем яснее, конечно, замечалось и тем досаднее было для царевны намеренное отсутствие на нем Петра. Голицын и воеводы принуждены были на следующий день для представления Петру отправиться в Коломенское и, по всей вероятности, были приняты весьма сухо. Может быть, в ответ на сухость этого приема Софья устроила в честь возвратившихся воевод новое торжество. 23 июля она была в Новодевичьем монастыре у обедни, за которой велено было присутствовать и Голицыну с воеводами. После обедни отслужено было благодарственное молебен по случаю победы над их государскими врагами «про-

¹⁰⁵ Дворцовые разряды, IV, 459–465.

клятыми агарянами». «А после молебного пения изволила она, великая государыня, жаловать их, бояр и воевод, кубками фряжских питей, а ратных людей: ротмистров, и стольников, и поручиков, и хорунжих, и иных московских чинов людей, которые в том монастыре были, водкою»¹⁰⁶. Между тем заготавливался манифест о пожалованиях и наградах за Крымский поход. Но тут Софья натолкнулась на категорический отказ Петра утвердить этот манифест. Отношения страшно обострились. В Кремлевском дворце опять пошли разговоры о злоумышлениях со стороны Петра и его приверженцев против царевны. 25 июля, в день именин царевны Анны Михайловны, когда ожидалось появление Петра в Москву, по распоряжению Шакловитого у Красного крыльца поставлен был в скрытом месте караул в 50 человек стрельцов, которым предписано было при первых же звуках набата спешить «в верх» и хватать кого укажут. Шакловитый опасался какой-либо «хитрости» над государыней со стороны потешных, которые придут с Петром. Но Петр не явился в этот день ни на богослужение, ни на церемонию пожалования поздравителей водкой в Передней палате, вероятно, избегая встречи с сестрой. Он прибыл из Коломенского только «за 3 часа до вечера», часов около пяти пополудни по нашему счету, заехал поздравить тетку и в тот же вечер отправился к себе в Преображенское. Только после многих просьб, с большим трудом, по свидетельству Гордона, удалось уго-

¹⁰⁶ Там же, 466–467.

ворить Петра утвердить манифест о наградах. Согласие его было дано 26 июля, а 27-го список наград был прочтен боярам с товарищами во внутренних покоях дворца, а прочим чинам на верхней лестнице. Награды заключались в пожалованиях вотчин и поместий, в обращении части поместий в вотчину, в денежном жаловании, в подарках кубками, мехами и материями. Розданы были также золотые медали с изображениями государей и царевны. Но, дав согласие на награды, Петр сорвал свое раздражение, отказав в приеме Голицыну с товарищами, когда они явились было в Преображенское его поблагодарить. «Все поняли, – пишет по этому поводу Гордон, – что согласие младшего царя было вынужденное с великим насилием, что возбудило его еще больше против военачальника и против главнейших советников при дворе из противной стороны». Оскорбленная отказом в приеме Голицыну, Софья не могла скрыть своего раздражения. В тот же день, 27 июля, вечером в Новодевичьем монастыре после всенощной по случаю празднования 28 июля Смоленской иконы Богоматери царевна, жалуюсь на царицу Наталью Кирилловну, говорила провожавшим ее в походе в монастырь стрельцам: «И так беда была, да Бог сохранил; а ныне опять беду зачинает. Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны, мы оставим государство»¹⁰⁷. Атмосфера насыщалась электричеством: чувствовалась неиз-

¹⁰⁷ Дворцовые разряды, IV, 468; Gordons Tagebuch, II, 266–267; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

бежность грозы. «Все предвидели ясно, — записывает Гордон в своем дневнике под 28 июля, — открытый разрыв, который, вероятно, разрешится величайшим озлоблением». Пыл и раздражение, — говорит он под 31 июля, — делались беспрестанно больше и больше, и казалось, они должны вскоре разрешиться окончательно».

4 августа сторонниками Петра был сделан шаг, который можно было в противном лагере понять как первый удар. В этот день Петр находился в Измайлове и праздновал именины царицы Евдокии Федоровны. После литургии состоялось вошедшее в обычай угощение думных и ближних людей кубками фряжских питей, а чинов московского дворянства, дьяков и гостей — водкой, а затем поздравлявшие приглашены были к царскому столу. В числе поздравлявших явился в Измайлово и Шакловитый. От Шакловитого, пользуясь его присутствием, потребовали выдачи одного из его клеветников, стрельца Стрижева, наиболее усердно подбивавшего других против младшего царя. Шакловитый отказался было его выдать и был арестован в Измайлове, но, впрочем, вскоре же и отпущен. Напряженное озлобление, о котором говорил Гордон, дошло до высшей точки. 6 августа, читаем в его дневнике, «ходили слухи, которые страшно передавать». Обе враждующих стороны как бы стали в позы обороняющихся, каждая готова была ожидать нападения и видеть начало этого нападения в любом движении противника. Катастрофа разразилась в ночь с 7 на 8 августа. 7 августа в Москве нашли

подметное письмо, в котором объявлялось, что в ночь на 8-е придут из Преображенского потешные побить царя Ивана и всех его сестер. Были приняты меры предосторожности, Кремль был заперт; туда пропускали только известных лиц. В Кремль вызван был на ночь сильный отряд стрельцов в 100 человек. Другому отряду, в 300 человек, велено было стоять наготове на Лубянке. Среди стрельцов различно объяснялась причина их вызова: одни говорили, что они вызваны для того, чтобы ранним утром сопровождать царевну в Донской монастырь; другие – что им придется «постращать в Преображенском», третьи – что, наоборот, оборонять Кремль от ожидаемого нападения потешных конюхов, которые придут из Преображенского. Носились самые противоречивые слухи. Среди стрельцов самого преданного, казалось бы, Софье Стремянного полка образовалась группа из семи человек, преданных Петру, во главе с пятисотенным Ларионом Елизарьевым, которые с тревогой следили за приготовлениями этой ночи и видели в этих приготовлениях замысел напасть на Преображенское. Ожидание достигло того напряженного состояния, при котором малейший шорох может показаться раскатами грома. Вдруг ночью в Кремль въехал прискакавший зачем-то из Преображенского спальник Петра Плещеев со своим человеком и двумя потешными. Его почему-то пропустили через Никольские ворота, но затем стащили с лошади, задержали вместе с его спутниками и повели на допрос к Шакловитому. Вызванная этим происшествием тре-

вога показала группе преданных Петру стрельцов критическим моментом. Двое из них, Мельнов и Ладогин, помчались в Преображенское, чтобы известить Петра о грозящей опасности. Царя разбудили. В одной сорочке, босой, он вскочил на коня (одежда была ему принесена в соседнюю рощу), а затем помчался к Троице, куда и прискакал утром 8 августа. Измученный этой скачкой, он, войдя в келью, бросился на постель и в слезах рассказал прибежавшему архимандриту Викентию о грозившей опасности. В тот же день приехала в монастырь царица Наталья Кирилловна, пришли потешные и стрельцы стоявшего в Преображенском Сухарева полка.

Между тем в Кремлевском дворце долго ничего не знали о происшедшем в Преображенском. Ночь с 7 на 8 августа после ареста Плещеева прошла спокойно. За два часа до света царевна Софья в сопровождении Шакловитого и ночевавшего в Кремле стрелецкого отряда пошла на богомолье, но не в Донской монастырь, а в Казанский собор. Вернувшись из собора, она приказала распустить стрельцов по их слободам. Тогда только получено было известие о бегстве Петра к Троице. В Москве были поражены этим событием, но во дворце сделали вид, что не придают этому значения. «Вольно ему, взбесися, бегать», – тоном равнодушного человека заметил Шакловитый в ответ на донесение о событии. Однако нетрудно себе представить, что царевна переживала нелегкие минуты. Она не могла не чувствовать, что почва уходит из-под ее ног. Война, скрываемая до сих пор, те-

перь была объявлена открыто. Петр открыто занял положение обороняющегося человека, спасающегося от злого умысла — это могло привлечь к нему сочувствие общества. При этом он укрылся под сенью монастыря преподобного Сергия, за теми самыми стенами, за которыми нашла себе защиту и Софья осенью 1682 г.

Проследим далее перипетии борьбы между братом и сестрой, продолжавшейся месяц. Всеми делами у Троицы руководил князь Б.А. Голицын, нанося оттуда царевне удар за ударом. 9 августа от имени Петра был отправлен запрос старшему государю и царевне о причинах необычного скопления стрельцов в Кремле в ночь с 7 на 8 августа. Софья принуждена была в ответ оправдываться, ссылаясь на свое намерение идти в Донской монастырь, и, таким образом, она была поставлена в положение обвиняемой. 10 августа царь потребовал к себе полковника Стремянного стрелецкого полка Ивана Цыклера и с ним 50 человек стрельцов этого же полка. Есть известие (дневник Гордона), что Цыклер сам тайно просил Петра вызвать его в монастырь, обещая ему многое раскрыть. Цыклер со времени майского мятежа 1682 г. был одним из преданнейших Софье людей. Царевна могла скорее опасаться за его участь, чем подозревать с его стороны измену, и отпустила его. Вслед за ним 13 августа был отправлен к Троице боярин Иван Борисович Троекуров с поручением уговорить Петра вернуться в Москву; поездка его была безрезультатна. 14 августа были посланы от Троицы указы к 18

стрелецким полковникам, кроме Цыклера и Сухарева, находившихся уже в монастыре, с приказанием явиться к 18 августа самим и привести с собой от каждого полка пятисотенного, сотенных, пятидесятников, десятников да по 10 человек рядовых. Такие же грамоты были разосланы, кроме полковников, и в самые полки с обращением к стрелецким урядникам и к самим стрельцам. Два солдатских полка – Захаров и Гордонов – получили подобные же предписания. Указы о том же были посланы к князьям Василию Васильевичу и его сыну Алексею Васильевичу Голицыным, как стоявшим во главе Ино-земского приказа, управлявшего солдатскими полками, и к Шакловитому, как начальнику Стрелецкого приказа. Грамоты эти были получены в Москве 16 августа. С исполнением требования Петра Софья осталась бы совсем без вооруженной силы.

Она приказала пригласить полковников во дворец и объявила им, чтобы к Троице не ходили и в распрю ее с братом не вмешивались, пригрозив головой за ослушание. Полковники повиновались царевне. Не исполнили предписания Петра и командиры иноземных полков. Гордону запретил двигаться к Троице князь В.В. Голицын. Чтобы удержать стрельцов, Шакловитый пустил слух, что грамоты присланы от Троицы вымыслом князя Б.А. Голицына без ведома Петра. Гордон был из тех, кто верил этому слуху. Вероятно, для того чтобы смягчить и объяснить этот отказ, Софья уговорила царя Ивана послать к Троице его любимого дядьку бо-

ярина князя Петра Ивановича Прозоровского и вместе с ним отправила духовника Петра протопопа Меркурия. Миссия Прозоровского и духовника не имела успеха, Прозоровский вернулся ни с чем. Вслед за царским духовником отправился к Троице сам патриарх (между 19–22 августа); но царевна напрасно рассчитывала на его посредничество. Иоаким явно держал сторону Петра и, поехав к Троице, там и остался. «Послала я патриарха, – с досадой говорила Софья стрельцам, – для того, чтобы с братом сойтись; а он заехал в поход, да там и живет, а к Москве не едет». Между тем 27 августа в Москве в стрелецких полках были получены вторичные грамоты с прежним предписанием явиться к Троице всем урядникам (начальным людям) и по 10 человек рядовых от каждого полка. Получены были подобные же грамоты в сотнях и слободах московского посада. Предписывалось явиться в лавру старосте каждой слободы и по 10 человек выборных тяглецов от каждой сотни или слободы. Заслушание царь грозил смертной казнью. На этот раз стрельцы и московское население поняли, что грамоты являлись не вымыслом князя Б.А. Голицына, а подлинным выражением царской воли. В монастырь отправились 5 полковников, более 500 урядников и множество рядовых. Пошли также призванные тяглецы из сотен и слобод. Когда стрельцы явились к Троице, они были впущены в монастырь. Петр с матерью и патриархом вышел к ним на крыльцо царских чертогов (с начала XIX в. это здание было занято Московской духовной академией. В настоя-

щее время в нем помещается высшее Педагогическое училище). Дьяк по приказанию государя прочел выписку, составленную из показаний ранее явившихся к Троице стрельцов об умыслах Шакловитого. Все урядники и рядовые, гласит официальный отчет об этой сцене, «возопили слезным воплем, что они Федкина злого умысла не знают и не ведают, великим государям служат и работают, как служили и работали и прежним государям; воров и изменников ловить рады и во всем волю государскую исполнять готовы»¹⁰⁸.

Испытав напрасно все средства уладить столкновение с братом, Софья прибегла к последнему и крайнему: сама решила ехать к Троице объясниться. 29 августа, как свидетельствует разрядная записка, за 2 часа до вечера царевна вышла в Успенский собор и слушала там молебное пение. После молебствия в Успенском соборе она посетила Архангельский собор, затем помолилась еще в Вознесенском и Чудовом монастырях, на Троицком подворье и в церкви Вознесения Господня, что на Никитской улице. Взяв из этой церкви икону Казанской Божией Матери, царевна побывала в Казанском соборе, откуда отправилась к Троице. Царевну сопровождали бояре: князь Я.Н. Одоевский, оберегатель князь В.В. Голицын, князь В.Д. Долгорукий, князь М.Я. Черкасский, А.С. Шеин и др.¹⁰⁹ На другой день ее встретил на доро-

¹⁰⁸ Gordons Tagebuch, II, 267–271; Дворцовые разряды, IV, 469–470; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

¹⁰⁹ Дворцовые разряды, IV, 478–480.

ге спальник Петра князь Гагин с требованием вернуться обратно. Софья продолжала путь, несмотря на вторичное такое же требование, переданное ей другим спальником, Бутурлиным. Наконец, в Воздвиженском, в 10 верстах от Троицы, царевну встретил боярин князь И.Б. Троекуров с угрозой, что если поедет, то будет поступлено с нею «нечестно». Царевна принуждена была вернуться в Москву, куда прибыла 31 августа. Свою досаду она сорвала по обыкновению в словах к стрельцам: «Чуть меня не застрелили. В Воздвиженском прискакали на меня многие люди с самопалами и луками. Я насилу ушла и поспела к Москве в 5 часов». В тот же день, 31 августа, приехал от Троицы в Москву стрелецкий полковник Нечаев со стрельцами, посланный Петром захватить и привезти к Троице Шакловитого, с трудом пробравшийся к Москве проселками, так как большая троицкая дорога была занята большим отрядом верного пока Софье стрелецкого полковника Айгустова. Явившись в Кремль, Нечаев у Красного крыльца передал грамоту об аресте Шакловитого дьяку Стрелецкого приказа, который понес ее «в верх». Сопровождавшие Нечаева стрельцы разгласили о цели его приезда по своим полкам. Софья приказала Нечаеву с его стрельцами явиться 1 сентября. Стрельцов поставили у Красного крыльца, а Нечаева повели «в верх». Встретив Нечаева вопросом, как смел он взять на себя подобное поручение, Софья вспыхнула и в гневе приказала отрубить ему голову. «К счастью, – замечает Гордон, – не было под рукою палача». На

площади перед Красным крыльцом стояло много стрельцов и большая толпа народу в ожидании обычного в этот день «действия Нового лета». Действо в этом году совершалось не на открытом воздухе, а в Успенском соборе. Царского выхода к действу не было; не присутствовали на нем и бояре. Выйдя на Красное крыльцо и сойдя вниз до последней ступени, Софья обратилась к стрельцам и народу с жалобами и убеждала не верить присланным от Троицы грамотам. «Те де письма, – говорила она, – от воров составлены. За что выдавать людей верных и добрых (Шакловитого)... Довелось тех изветчиков (стрельцов, дававших показания у Троицы) прислать к Москве и здесь ими разыскивать»¹¹⁰.

Предполагая, что Нечаеву не удалось исполнить поручения, Петр 2 сентября отправил к нему на помощь еще двух стрелецких полковников, Спиридонова и Сергеева, с приказом явиться, минуя Софью, непосредственно к царю Ивану и добиться выдачи Шакловитого с его сообщниками. 3 сентября к царю Ивану по тому же делу послан окольничий И.А. Матюшкин, который должен был представить ему доказательства виновности Шакловитого и его сообщников. Царь Иван, как доносил к Троице полковник Сергеев, ответил, что он прикажет выдать Шакловитого, если за ним приедет боярин Петр Иванович Прозоровский.

4 сентября Софья лишилась еще одной опоры: ушли к

¹¹⁰ Gordons Tagebuch, II, 271–272; Дворцовые разряды, IV, 481; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

Петру служилые иноземцы с генералом Гордоном во главе. 5 сентября они были представлены Петру, который пожаловал их «к руке», спрашивал о здоровье и из собственных рук поднес по чарке вина. Наконец, 6 сентября рухнула и последняя надежда царевны. Стрельцы разных полков пришли в Кремль и обратились к ней с решительным требованием выдать Шакловитого. Царевна крикнула было на них; но в толпе раздался ропот, слышались угрозы набатом. Угадывая признаки бунта, Софья принуждена была уступить и выдала своего любимца князю П.И. Прозоровскому, который под караулом повез его к Троице, куда и доставил его 7 сентября. Еще ранее, в первых числах сентября, стрельцы переловили в Москве и отправили к Троице его приспешников. Выдачей Шакловитого царевне был нанесен окончательный удар.

Вслед за Шакловитым, поняв, на чьей стороне оказывается успех, добровольно явился в лавру с повинной и князь В.В. Голицын с сыном, не игравший в августовские дни 1689 г. никакой активной роли. Шакловитый в тот же день был подвергнут допросу с пыткой, а 12 сентября казнен с двумя наиболее ответственными стрельцами, Петровым и Чермным. Голицыным была сказана ссылка в Каргополь¹¹¹, но затем местом их ссылки был избран более отдаленный город – Яренск, откуда в 1691 г. они были переведены в еще более далекий Пустозерск. Софья была устранена от правления.

¹¹¹ Gordons Tagebuch, II, 274–283; Розыскные дела о Ф. Шакловитом.

Сохранилось письмо от имени Петра к царю Ивану Алексеевичу без даты, но написанное, очевидно, между 8 и 12 сентября, после допроса Шакловитого, но до его казни и до назначения новых начальников приказов, начавшегося 12 сентября. «Братец государь царь Иоанн Алексеевич, – читаем в этом письме, – с невестушкою, а с своею супругою, и с рождением своим в милости Божией здравствуйте. Извесно тебе, государю, чиню, купно же и соизволения твоего прошу о сем, что милостию Божиею вручен нам двум особам скипетр правления прародительного нашего Российского царствия, якоже о сем свидетельствует матери наши восточные церкви соборное действо 190 году (т. е. коронация 1682 г.), так же и братием нашим, акресным государем, о государствовании нашем извесно, а о третьей особе, чтоб с нами быть в равенственном правлении, отнюдь не воспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учела владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государю, извесно. А ныне злодеи наши Фетка Шакловитой с товарищы, не удоволяся милостию нашею, преступя обещания свое, умышлял с ыными ворами о убивстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винулись. А теперь, государь братец, настoit время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей ц.

С. А. (так!), с нашими двумя мужескими особами в титулах и в росправе дел быти не изволяем; на то б и твоя б, государя моего брата, воля склонилоса, потому что учела она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения, к тому же еще и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчатца. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас. Тебе же, государю братцу, объявляю и прошу: поволь, государь, мне отеческим своим изволением для лутшие пользы нашей и для народного успокоения, не обылаясь к тебе, государю, учинить, по приказом правдивых судей, а не приличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере. А я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов. А о ином к тебе, государю, приказано словесно донести верному нашему боарину князю Петру Ивановичю Прозоровскому и против сего моего писания и словесного приказу учинить мне отповедь. Писавый в печалех брат ваш царь Петр здравия вашего желаю и челом бую»¹¹². Указ об именовании во всех официальных бумагах по-прежнему только двух государей был издан уже 7 сентября¹¹³. В конце сентября царевна Софья была заключена в Новодевичий монастырь.

¹¹² П. и Б. Т. I. № 10.

¹¹³ Так в Дворцовых разрядах, IV, 482 и 485. Устрялов относит его к 8—12 сентября (История... Т. II, примеч. 17).

VII. Правительство в 1689–1699 гг

Свергнув Софью, партия царицы Натальи Кирилловны и Петра вновь очутилась у власти. Сама царица Наталья, по выражению автора «Гистории о царе Петре Алексеевиче», знаменитого дипломата петровского времени князя Б.И. Куракина, была «править не капабель» (capable), потому что, «будучи принцесса доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и не искусная в делах и ума легкого»¹¹⁴. С 12 сентября 1689 г. началось назначение новых, преданных Петру, начальников приказов на место приверженцев Софьи¹¹⁵. Во главе правительства, заняв место начальника Посольского приказа, однако без титула «сберегателя», стал старший из братьев царицы, боярин Лев Кириллович Нарышкин. Это был еще очень молодой человек, всего 25 лет от роду (р. 1664), сотоварищ в чине комнатного стольника первых детских игр Петра, а затем член «компаний», окружавшей царя в юные годы. В 1688 г., в 24-летнем возрасте, он уже был боярином. Видимо, Лев Кириллович отличался большим запасом энергии и горячим темпераментом. Его именно, несмотря на его молодость, вместе с князем Б.А. Голицыным царевна Софья обвиняла в замыслах против нее как руководителей нарышкинской партии,

¹¹⁴ Архив князя Куракина, I, 62–63.

¹¹⁵ Дворцовые разряды, IV, 483 и сл.

говоря перед стрельцами: «Уж житья нам не стало от Бориса Голицына да от Льва Нарышкина. Царя Петра они с ума споили, брата Ивана ставят ни во что; комнату его дровами закидали; меня называют девкою, как будто я не дочь царя Алексея Михайловича». Именно боярином Л.К. Нарышкиным нарядился один из доверенных царевны, подьячий Шошин, который в июле 1688 г. ночью ездил по Мясницкой и Покровке в сопровождении переряженных стрельцов и бил караульных, причем спутники его кричали: «Лев Кириллович! за что его бить до смерти, душа христианская». Это делалось для того, чтобы возбудить в московском населении ненависть к Нарышкину, но все же значит, Лев Кириллович считался способным предпринимать такие ночные наезды. Особенными дарованиями Нарышкин не отличался. «Помянутого Нарышкина, – замечает о нем тот же автор «Истории» Куракин, – кратко характер можно описать, а именно, что был человек гораздо посреднего ума и невоздержный к питью, также человек гордый и, хотя не злодей, токмо не склончивый и добро многим делал без резону, но по бизарии своего гумору»¹¹⁶. Делая, по выражению Куракина, добро многим, Нарышкин не забывал, однако, и о себе и, по-видимому, умел хорошо устроить свои собственные дела. В своих руках он сосредоточил огромные подмосковные владения по берегам реки Москвы, простиравшиеся от Дорогомиловской слободы до села Архангельского, и в том числе вотчи-

¹¹⁶ Архив князя Куракина, I, 63.

ны Фили, Кунцево, которое он выменял у патриарха, Троицкое-Лыково и др. Ему были также пожалованы основанные иноземцем Марселисом железные тульские заводы, и он сделался единственным поставщиком-монополистом железа в казну. В 1692 г. вышел царский указ: «...для всяких казенных надобностей железо покупать на тульских железных заводах... а окроме тех заводов железа из всех приказов ни на какие расходы нигде ни у кого не покупать»¹¹⁷. По молодости лет и по ограниченности способностей Лев Кириллович только номинально стоял во главе управления внешними делами. Всеми делами Посольского приказа продолжал заправлять сидевший в приказе и при В.В. Голицыне опытный делец, думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев.

Разрядный приказ, а вскоре затем и Конюшенный по устранении оттуда окольничего Алексея Прокофьевича Соковнина, будущего сообщника Цыклера¹¹⁸, были поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Стрешнев в то время был человек зрелых лет (р. 1649). Мы встречаем его в чине стольника уже в 1669 г. В 1679 г. в чине думного дворянина он был назначен вторым воспитателем к царевичу Петру при боярине Родионе Матвеевиче Стрешневе, занимавшем место первого воспитателя. Петр был очень привязан к своему дядьке, как это видно из последующей переписки между ними. «О характере его описать можем только, – читаем

¹¹⁷ Дворцовые разряды, IV, 640–641.

¹¹⁸ Там же, IV, 576–577.

о Т.Н. Стрешневе у Куракина, – что человек лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего, токмо дошел до сего градусу таким образом, понеже был в поддядьках у царя Петра Алексеевича с молодых его лет и признался к его нраву и таким образом был интриган дворовой». Вместе с разрядными делами он соединял в своих руках, по свидетельству того же современника, управление большей части внутренних дел: «...был в правлении в Разряде и внутри правления государственного большую часть он дела делал»¹¹⁹.

Желанием оказать внимание царю Ивану Алексеевичу надо объяснить назначение его воспитателя князя Петра Ивановича Прозоровского начальником приказа Большой казны и Большого прихода. Князь П.И. Прозоровский, сын князя И.С. Прозоровского, убитого в Астрахани во время разинского бунта, проходил исключительно придворную службу, бывал в рындах, был приставом у вселенских патриархов во время их пребывания в Москве в 1666–1668 гг., наконец, был назначен дядькой царевича Ивана Алексеевича. В августе 1689 г. царевна Софья посылала его к Троице уговаривать Петра от имени Ивана Алексеевича вернуться в Москву, но безрезультатно. В известном письме Петра к царю Ивану от Троицы об устранении царевны Софьи от правления Петр называет князя П.И. Прозоровского «верным боярином». Стрелецкий приказ, один из самых важных за последнее время, наследие Шакловитого, получил боярин

¹¹⁹ Архив князя Куракина, I, 63.

князь Иван Борисович Троекуров. Князь И.Б. Троекуров, сын боярина Б.И. Троекурова, значится в стольниках уже в 1653 г., в 1658 г. он «чашничает» во дворце на парадном обеде по случаю прибытия в Москву грузинского царя Теймураза. Нося звание «стольника и ближнего человека», он был, по-видимому, одним из близких людей царя Алексея Михайловича в последние годы царствования. Мы видим его постоянно при особе государя: он поддерживает царя под руку на торжественных выходах, в Троицын день при выходе царя в кремлевские соборы несет перед ним «веник» (букет?), при переезде царя в загородные дворцы Воробьево и Преображенское посылается предварительно «досматривать государевых хором», при разлуке царя с царицей посылается к царице «с здоровьем», т. е. с известием о здоровье государя и для получения сведений о здоровье государыни. Он немало послужил и по администрации. В последние пять лет царствования Алексея Михайловича он стоял во главе Иноземского и Рейтарского приказов, а в 1674 г. ему, кроме того, поручался и Монастырский приказ¹²⁰. По смерти царя Алексея мы видим князя И.Б. Троекурова в чине боярина воеводой в Киеве (1677 г.). Вернувшись с воеводства, он управлял Московским Судным приказом, а в 1680–1681 гг. вновь посылался на воеводство в Смоленск. До смоленского воеводства и после него князь Иван Борисович постоянно при дворе и получает разные почетные поручения: сопровождает в

¹²⁰ Дворцовые разряды, III, 1009.

выездах царя Федора, а после него одинаково и царя Ивана и царя Петра, видимо, обоим им одинаково преданный; или же во время царских походов оставляется с другими боярами «на Москве», т. е. входит в состав боярской комиссии, которой поручается столица на время отсутствия государей, назначается, заменяя особу государей, присутствовать в соборе «у действия Страшного суда», идти за иконами в крестных ходах, обедать у патриарха 15 августа, в день престольного праздника Московской патриархии. Перед назначением в Стрелецкий приказ он управлял некоторое время Поместным приказом (1688 г.)¹²¹. Во время столкновения Петра с Софьей в августе 1689 г. он играл очень видную роль. Как лицо, пользующееся расположением Петра, он был послан царевной к Троице, как и Прозоровский, уговаривать Петра вернуться в Москву, но тщетно. Он остался у Троицы. Когда Софья 29 августа отправилась сама в Троицкий монастырь, Троекуров был выслан Петром к ней навстречу в село Воздвиженское с приказанием объявить ей, что «с нею поступлено будет нечестно», если она будет продолжать свой путь. Как человек, преданный также и царю Ивану и приятный ему, князь Иван Борисович в сентябре 1689 г. был послан Петром к брату с просьбой удалить Софью из дворца в Новодевичий монастырь.

Приказ Большого дворца был отдан дяде молодой царицы – жены Петра – Петру Меньшому Абрамовичу Лопухину, ра-

¹²¹ Дворцовые разряды, IV, 374.

нее, в 1678 г., в чине стольника сидевшему в Иноземском и Рейтарском приказах, в 1681 г. – с боярином Иваном Михайловичем Милославским в приказах Большой казны и Большого прихода. В 1683 г. Лопухин был начальником Каменного приказа, а перед самым столкновением Петра с Софьей 31 июля 1689 г. в чине окольничего был назначен заведовать Ямским приказом. Поместный приказ достался Петру Меньшому Васильевичу Шереметеву, ранее бывшему, между прочим, казанским воеводой (1682 г.). Ямской приказ был поручен окольничему Кондратию Фомичу Нарышкину¹²². Начальником Московского Судного приказа был сделан стольник князь Яков Федорович Долгоруков; приказ Казенного двора получил один из ближайших друзей детства Петра, будущий канцлер, постельничий Гавриил Головкин¹²³. В трех приказах удержались лица, управлявшие ими и при Софье: в Сибирском – князь Иван Борисович Репнин, в Аптекарском – боярин князь Яков Никитич Одоевский и, наконец, в Казанском дворце – кравчий князь Борис Алексеевич Голицын, правивший этим приказом с 1683 г.¹²⁴ Князя Б.А. Голицына, главного руководителя Петра в столкновении с царевной Софьей, Куракин считает единственным выдающим-

¹²² С 20 мая 1690 г. Дворцовые разряды, IV, 560.

¹²³ Устрялов. История... Т. II. С. 95–98. Иноземский и Рейтарский приказы были поручены боярину князю Ф.С. Урусову, Владимирский Судный и Челобитный – боярину князю М.Г. Ромодановскому, Разбойный – боярину князю М.И. Лыкову, Земский приказ – князю М.И. Львову.

¹²⁴ Устрялов. История... Т. II. С. 97–98.

ся умом в составе нового правительства: «Был человек ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежной, по-неже любил забавы, а особливо склонен был к питию»¹²⁵. Голицын, так же как и его двоюродный брат князь Василий Васильевич, отличался большой склонностью к иноземцам, был первый, который, по свидетельству того же Куракина, «начал с офицерами и купцами иноземными обходиться». В 1688 г. он особенно близко познакомился с двумя иностранными офицерами: Гордоном и Лефортом. 25 июля этого же года Гордон был приглашен к Голицыну обедать, а 15 сентября Голицын был на обеде у Лефорта и от него заехал к Гордону. Он, несомненно, содействовал в 1689 г. сближению Петра с этими офицерами¹²⁶.

Начальники приказов составляли в 1690-х гг. как бы объединенный кабинет, в котором до смерти царицы Натальи (1694 г.) Л.К. Нарышкин был председателем. Иностранцы прямо и называют его «первым министром», а Куракин рассказывает, что все остальные министры должны были докладывать ему по своим ведомствам: «Также к нему все министры принадлежали и о всех делах доносили, кроме князя Бориса Алексеевича Голицына и Тихона Стрешнева». Перед этими наиболее влиятельными членами кабинета, по словам Куракина, остальные бояре, даже знатнейших фамилий, были «без всякого повоира (*pouvoir*) в консилие или в палате,

¹²⁵ Архив князя Куракина. Т. I. С. 63.

¹²⁶ Gordons Tagebuch, II, 223, 228.

только были спектаклями (зрителями)»¹²⁷. Правление кабинета продолжалось около 10 лет (1689–1699 гг.) и не ознаменовалось решительно ничем выдающимся во внутренних делах.

¹²⁷ Архив князя Куракина. Т. I. С. 63.

VIII. Петр в 1690 г

Личное участие Петра в борьбе с сестрой не следует преувеличивать. Он в этой борьбе был все же гораздо более символом, чем активно действующим лицом с собственной инициативой.

Правда, в иные моменты он гневно выступает сам, но выступает, возбужденный разговорами окружающих. Его именем действовала и распоряжалась партия с князем Б.А. Голицыным во главе. Его личные, наиболее захватывающие его интересы далеко не замыкались в сфере этой борьбы и не поглощались ею.

В самый напряженный период столкновения с Софьей, в августовские дни 1689 г., внимание Петра устремляется на те же самые предметы и дела, на которые оно направлялось и раньше. Будучи у Троицы, он живо следит за производившимися тогда в Преображенском потешными постройками, и в особенности за постройкой потешного корабля, и 20 августа приказывает «кормить и поить состоящего у того корабельного дела иноземца против иных его братьи иноземцев»¹²⁸. Едва только справившись с Шакловитым и его сообщниками, Петр от Троицы вместе с матерью и женой 15 сентября выехал в находящуюся неподалеку Александрову слободу, куда прибыл 16-го и где провел целую неделю, поглощен-

¹²⁸ Есипов. Сборник выписок... Т. I. № 359.

ный военными эскерциями, происходившими под руководством сопровождавшего двор генерала Гордона. Свет на пребывание царя в Александровой слободе и на занятия его там бросает нам дневник Гордона. 17 сентября Гордон был вызван к царю, показывал ему учение солдат и имел с ним, как он отмечает в своем дневнике, продолжительную беседу. 18-го Гордон производил перед государем конное учение и боевую стрельбу; 19-го двор из Александровой слободы выезжал в находящуюся в 10 верстах от слободы Лукьянову пустынь, возле которой также происходило конное учение, и в тот же день опять вернулся в слободу. Во время этих кавалерийских упражнений Гордон свалился с лошади и повредил себе руку. Царь подошел к нему, принял в нем участие и казался очень обеспокоен этим происшествием. Несмотря на полученный ушиб, Гордон 20 и 21 сентября вновь руководит разного рода военными упражнениями в поле, причем 21-го эти упражнения продолжались до позднего вечера. 22 сентября Петр выехал из слободы и, переночевав в деревне Слятино, 23-го прибыл к Троице. «Марсовы и Нептуновы потехи», как Петр называл военные и морские упражнения, всецело владеют его вниманием. Государственными делами он совсем не интересуется и при жизни матери в правление совершенно не вмешивается.

6 октября 1689 г., после того как удалось настоять на переселении бывшей правительницы в Новодевичий монастырь, двор Петра тронулся в Москву. С переездом в сто-

лицу опять пошел своим чинным, размеренным ходом годовой круг царского обихода, движение которого было нарушено драматическими августовскими и сентябрьскими событиями. Можно заметить даже, что в 1690 и 1691 гг. Петр, очевидно под воздействием настояний матери, соблюдает, по крайней мере по внешности, все требования кремлевского ритуала строже, чем в предыдущее время, хотя, конечно, и не с той точностью, как царь Иван Алексеевич. Понемногу, однако, в этот царский обиход XVII в. вкрадываются новые, вносимые живой личностью младшего царя черты. Бросаются также в глаза за 1690-е гг. особенно дружные и тесные отношения между братьями-царями, держащимися постоянно вместе под высшим руководством царицы Натальи Кирилловны.

По возвращении от Троицы Петр октябрь и первые три недели ноября 1689 г. проводит в столице с кратковременными однодневными выездами 15 и 24 октября в Преображенское, а 31 октября и 6 ноября в Коломенское. 21 ноября оба царя выезжали на богомолье в Саввин-Сторожевский монастырь, откуда вернулись 27 ноября и проследовали в Преображенское, где и оставались до 7 декабря. С этого числа и по 27 апреля Петр все время находился в Москве. 20 декабря в навечерие праздника Петра митрополита оба государя были по обычаю у вечерни и молебного пения в Успенском соборе, а в самый день празднования там же у обедни. 24 декабря, в рождественский сочельник, государи, от-

слушав литургию в своих дворцовых церквях на верху – царь Иван Алексеевич в церкви Живоносного Христова Воскресения, а царь Петр в церкви Апостолов Петра и Павла – выходили после литургии на действо многолетия, совершаемое патриархом. После этого действа приносились там же, в соборе, взаимные поздравления с наступающим праздником: патриарх и власти поздравляли государей, а государи поздравляли патриарха и властей. Затем приносили поздравление государям бояре и служилые чины, причем поздравительную речь говорил князь Я.Н. Одоевский, государи отвечали боярам и служилым людям милостивым словом. Церемония закончилась взаимными поздравлениями находившихся в соборе духовных и светских чинов. В самый день Рождества государи слушали литургию в тех же своих дворцовых церквях, а после литургии в пятом часу дня, по нашему счету во втором часу пополудни, принимали у себя в Передней патриарха с Освященным собором, являвшихся «славить Христа».

5 января 1690 г. крещенский сочельник справлялся так же, как и рождественский, с тем же выходом государей в Успенский собор к действу многолетия и с теми же поздравлениями. 6 января, в Крещение, Петр участвовал в торжестве, на котором в прежние годы его присутствие не отмечалось, – в шествии на Иордань к освящению воды. После обедни, отслушанной в своих дворцовых церквях, в четвертом часу дня, т. е. в двенадцатом по нашему счету, госуда-

ри возложили на себя в Мастерской палате царские одежды: порфиры, диадимы и Мономаховы шапки, — и шествовали с верху в сопровождении думных и ближних людей, высшего дворянства, дьяков и гостей в Успенский собор Постельным крыльцом и через Красную лестницу. Войдя в собор, государи прикладывались к иконам и мощам при пении патриаршими певчими многолетия. В собор за государями входили лишь думные и ближние люди, а стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и гости, не входя в собор, становились по обе стороны рундука (помоста), устроенного от Успенского собора к Архангельскому. По окончании многолетия, преподав государям благословение, патриарх с Освященным собором, начав пение молебствия, двинулись за крестами и иконами через западные двери собора крестным ходом на Иордань. Государи, выйдя из храма, ожидали в южных дверях, ведущих на Соборную площадь. Поравнявшись с государями, патриарх осенял их животворящим крестом, а власти им кланялись, и с этого момента государи вступили в процессию, процессию открывали стрельцы в числе 600 в цветном лучшем платье с нарядными протазанами и копьями. За духовенством и иконами, предшествуя государям, шли служилые московские чины, начиная с младших по трое в ряд в бархатных кафтанах, за ними двигались московские же чины, ближние и думные люди в золотных кафтанах. Государей сопровождала свита из бояр и думных дворян, а за свитой шел «окольничей» князь И.С. Хотетовский «для обе-

регания их государского шествия от утеснения нижних чинов людей» — это и была, кажется, первоначальная, древнейшая обязанность окольного. За окольным выступали «гости в золотных же кафтанах, да приказные и иных чинов люди множество». Процессию замыкали дьяки Конюшенного приказа, за которыми везены были «государские большие нарядные сани», сопровождаемые столповыми приказчиками, стремянными конюхами и иными конюшенного чина людьми. По обеим сторонам крестного хода двигались стрельцы в цветных кафтанах с золочеными пищалями, выдававшимися им на этот случай из Оружейной палаты. Не участвовавшие в процессии солдатские и стрелецкие полки были выстроены на Соборной площадке и на площади перед Чудовым монастырем, а также на Москве-реке около Иордани до Москворецких и Всесвятских ворот и по противоположному берегу реки в Садовниках «с знамены и барабаны и со всем ратным строем в цветном платье». Когда государи, достигнув Иордани, стали на приготовленном для них месте, патриарх роздал государям и присутствующим зажженные свечи и начал действо освящения воды. Во время погружения креста в воду подполковники, капитаны и знаменщики солдатских и стрелецких полков принесли знамена к надолбам, которые построены были около Иордани. Освятив воду, патриарх кропил ею государей и принес им поздравление. Следовали затем взаимные поздравления с речью боярина князя Алексея Андреевича Голицына подобно тому,

как это происходило в Успенском соборе. Были окроплены принесенные знамена полков, и процессия двинулась обратно в том же порядке в Успенский собор. Государи из собора отбыли к себе на верх. У Тайницкой башни «для смотра того их, государского, выходу» были отведены места комиссару датского короля Андрею Бутенанту фон Розенбушу с королевскими дворянами и иных окрестных государств иноземцами, а также бывшей в Москве депутации от донских казаков – атаману Фролу Миняеву со товарищи. Хоругви и иконы, блестящие ризы духовенства, раззолоченная толпа бояр и придворных, разноцветное стрелецкое войско, пестрая толпа народа, звон кремлевских колоколов – все это должно было произвести внушительное впечатление на иностранцев и на донских казаков¹²⁹

¹²⁹ Дворцовые разряды, IV, 491, 501–504, 506, 507, 511–521.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.